

АЛЕКСАНДРА НЮРЕНБЕРГ

Превратись.

ПЕРВАЯ КНИГА

Александра Нюренберг
Превратись. Первая книга

«Издательские решения»

Нюренберг А.

Превратись. Первая книга / А. Нюренберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905540-8

Если ты — акула, то вовсе не обязательно, что ты кусаешь всех подряд. Если ты при этом — женщина, к тому же вовсе недурна собой и хорошо воспитана, дело несколько осложняется. Хотя и все остальные не совсем те, кем кажутся. В тихом городке живёт «складчина» — они называют себя багажниками, ковчегами. Скрытая натура ничуть не мешает им... почти никогда.

ISBN 978-5-44-905540-8

© Нюренберг А.
© Издательские решения

Содержание

Отражение	6
Ровно в 11, в небе	7
Ведьма не может умереть	28
Дедушка и внук	32
Автор и признание	38
Медведь	40
Опрометчивость акулы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Превратись Первая книга

Александра Нюренберг

*Будь я стеклом свинцовым впереди, —
сказал он, — не извлёк бы лик наружный
скорей, чем то, что ты сокрыл в груди.
Д. А. Песнь XXIII.*

*Дизайнер обложки Stefan Keller (kellepics)
Корректор Эстер*

© Александра Нюренберг, 2018

© Stefan Keller (kellepics), дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5540-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отражение

– Очень странно.

В зеркале отражалось лицо – русский вихор над крутым лбом, светлые простодушные глаза, грубоватый очерк скул со впадинками под ними, широковатый нос, вроде львиного, полуоткрытый от усердия рот недурного рисунка (такой ещё называют купидоновым луком) и упрямый, торчком подбородок. Рот был полуоткрыт, потому что совершалась мистерия, в просторечии называемая бритъём, что подтверждали и клочки пены на подбородке.

Он развернул зеркало – в обзор вплыл белый подворотничок расстёгнутой гимнастёрки и затем синий с золотом погон.

Восклицание вырвалось у него помимо воли. На секунду лётчику помстилось, что он видит совсем другое – он даже оглянулся... Но разве кто-то мог быть здесь, в заброшенном саду, среди августовских усталых деревьев. Из-за паутины и узеньких дорожек, вытопанных ежами в лунно-жёлтой, выцветшей траве, сад косил под призрака и в то же время казался до жути живым, как одно целостное существо со своими мыслишками и воспоминаниями.

Тазик с мыльной пеной на крыле маленького самолёта выглядел очень уместно, хотя и немного комически.

Нет, нет. Никто сюда не приглашён. Чутьё умного офицера, наивного хитрована, натренированное годами съеденной войной молодости, не подвело бы его ни в коем разе. Выбранное им место уединения отвечало всем требованиям по части тишины и пейзажа. В самый раз, чтобы, как следует, побриться.

Тишина, правда, добирала здесь до степени чрезмерной. Струилась подобно ручейку, который за скалой превратится в изрядную реку, и растекалась между расставленными для построения «на первый-третий» тонкими стволами.

Вернее, стволы напоминали шеи подземных обитателей, вылезающих из засыпанных жёлтым и красным лесного танцпола. Тут и привидению негде было бы обрести покой.

Холодные чужие глаза, знаете ли, никак не могли отразиться в круглом зеркале армейского, многоразового образца, (не подлежащем уничтожению), по той причине, что в саду никого не было, кроме лётчика и его самолёта. Сломанное дерево, чья вершина покоилась в заросшем тиной прудике, уже умерло. Леди покинула его вовремя и переселилась за Стену, да и не отражаются они в армейских зеркалах. Небо, низкое и тусклое, собралось в кольцо погнутой парковой ограды, у которой такой вид, будто это ограда мира... пустынное, словом, хотя и неглупое местечко.

Но он был так молод и, как я уже сказала, прост душой, что не стал об этом думать. К слову, в своём душевном здравии он и не собирался сомневаться. Очень был уверен в себе лётчик.

Вспомнилась эта околесина ему много позже, и при других, к лирике не располагающих обстоятельствах. Происшествие осталось в памяти картинкой, тревожной и забавной. Особенно запомнилось странное выражение в холодных ясных глазах, заглянувших в его собственные. Это было удивление.

Ровно в 11, в небе

И древний текст был найден, и был прочтён до чрезвычайности въедливо круглыми проницательными глазами. Кошачий зрачок пульсировал в них, но это не была кошка. Нет, котом он не был, хотя этих животных не раз обвиняли в близости к нему. Чечевичные зрачки, пульсирующие мерно, двигались по строчкам от первой, похожей на полуобрушенный замок на холмах к последней, где замок отстроили и над ним дразнился язык штандарта. Потом пронзительный взгляд вновь скользнул к началу.

И был прочтён древний текст, и были внесены в него изменения.

Овальное зеркало, способное отразить в натуральную величину большую куклу, не тускнело, распросёртая рукопись трепетала в его млечной голубизне. Строчки букв выстроились ровно, с отступом на абзацах.

Он протянул руку к зеркалу. Это была всем рукам рука – с гибкими пальцами в пегой густой шерсти. Пальцы с длинными твёрдыми ногтями погрузились в тусклое зарево овального зеркала.

И буквы потеснились, и два древних знака отшатнулись друг от друга, и расступились, и дрожали от негодования. Там, где расчистилось пустое место, под ногтем появились какие-то потёки, точки, и два знака, известных с очень давних времён, оказались разделёнными.

И новый знак был неведом и чужд старой рукописи, и я не знала его.

Он отдёрнул руку.

Рукопись в зеркале, свернувшись свитком, исчезла среди многих, ей подобных, сложенных грудой. Овал зеркала показывал их, как нечёткое отражение в пруду – слабо освещённым изнутри.

Он протянул свою лапу к зеркалу, но прямо под когтями потекла надпись на руническом алфавите Вселенной, преобразованном из... ну, одного из языков, который несколько упростили для этой благородной цели.

Господин, желать ли Твоя сохранить внесённые
бесценные изменения?

Он уставился на чуть приплясывающие буквы с недоумением. Надпись не исчезла. Эта модель обещалок не торопилась угодить своему господину, угадав его мысли. Да это ведь раз плюнуть, раздраженно подумал Дьявол, ибо это ведь именно он и был, если несколько упростить Изложение Событий.

Он кивнул, утопив раздражение, как ягоду в блюде с вареньем.

Надпись утонула вместе с раздражением в глубине зеркала. Хранилище рукописей (а это и было оно, а вовсе не его изображение) оставалось в глубине обещалки – только руку протяни – ещё некоторое незначительное время. Но пользователя злила и эта трата секунд.

Потом зеркало заколыхалось, точно подёргала неуверенная рука занавеску на сельском окошке. Груды рукописей исчезли, погрузившись в слой фосфоресцирующего воздуха. Дьявол увидел в зеркале обещалки себя. Он улыбнулся, блеснув клыками. Рабочая поверхность зеркала неопратно смялась и заёрзала: возникло неисчислимое множество фигурок, которые двигались все разом.

Они были сочленены, по меньшей мере, сотней сюжетов.

Сюжеты перекрывали друг друга, так что иной раз перед носом нападающей акулы оказывался нож гильотины в работе, а отрубленная голова катилась и обрушивалась в извергающий лиловую патоку вулкан. Тут разлили молоко, и осколки не убрали, и тут же вздымал два копыта необъезженный конь, а в сползшем седле торопливо обнимались два друга.

Сгорбившаяся от нетерпения акула дольше всех была видна в верхнем, мармеладной густоты, слое обещалки. Засим её утянуло вглубь рабочего стола, и воцарился зеркальный штиль. С полудюжину обычных значков выступили в центре. Дьявол потянулся к третьему в нижнем ряду, изображающему человечка или куклу.

Когти коснулись зеркала, войдя в него на миллиметр, и в зеркале затрепыхалась новая надпись.

Господин, желать ли Твоя извлечь
запоминающее устройство
со всем, подобающим моменту, бесстрашием
и, соблюдая правила безопасности, соблюдение коих
гарантирует Тебе
и Твоему презренному устройству упомянутую безопасность?

Дьявол ухмыльнулся и, мысленно чертыхнувшись, причём ему пришлось отправить обещалку и все обещалки непременно на свой адрес, прохрипел приятным профундо:

– Валяй.

Изображение задрыгалось, и Дьявол увидел, как из зеркала высунулась крохотная белокурая голова на тонкой шейке. Когда фигурка вышла из мертвенной глади зеркала по плечики, он аккуратно перехватил их двумя когтями и вытянул куколку из смыкающейся, как налитый в чашку мёд, поверхности.

Он поставил куколку перед собой на подлокотник кресла и посмотрел на неё так, будто впервые видел такое чудное создание. Край его заросших чёрными завитками губ дрогнул в неподобающей этому почтенному зрителю растроганной усмешке. Куколка выглядела крохотным подобием человека, хотя легко помещалась в кулаке Дьявола.

Она крепко стояла на ножках в летних вязаных сапожках и бесстрастно пялилась перед собою. Спокойная и неживая, она казалась аккуратисточкой. Круглая головёнка в шлеме гладких светлых волос, приглаженных на косой проборчик, намекала на чистоту помыслов. Голубое платьице в обтяжку было на тон темнее сапожек.

Дьявол нагнулся, словно пытаясь попасть в поле зрения её единственного глаза, помещённого над переносицей, но неподвижная глубина этого озерца, прикрытая густыми русыми ресницами, не взволновалась, зрачок не сузился от намерения рассмотреть визави и не расширился от упавшей на неё тени. Беленькая и тихая, она помалкивала себе и не пошатывалась от груза мыслей и сомнений, (о, да – и сомнений), взваленного на неё сатаной.

Дьявол полюбовался крохой и осторожно сунул соучастницу преступления в кармашек потёртого и уютного френчика, тесноватого для его могучей грудной клетки. Он подошел к двери, весомо и беззвучно ступая лосиными копытами. (Штанов он не носил, предпочитая натуральный собственный мех, густой и чёрный, лишь кое-где побитый сединою и отчасти – молью Иридиас, с которой воевать бесполезно.) Зеркало, покинутое им, безнадежно тускнело в углу комнаты, и гасла надпись:

Господин, если Твоя желать
абсолютно безопасно отключить...

Взявшись за дверную ручку, он помедлил и вытащил из френча куколку, деликатно ухватив её за хрупкую талию. Грабитель мутно и с раздражённым восхищением помотал башкой с рогами.

– Ишь ты. – Бормотнул он.

Полюбовавшись на то, как она, прямая, бесчувственная, светловолосая, смотрит на него и сквозь него без малейшего страха, он снова заключил её в крепостной замок своего кулака, сомкнув пальцы, твёрдые и поросшие проволочным волосом. Ни шевеления, ни звука протеста. Дёрнув на себя дверь, похожую на дверцу холодильника, (теперь такие во всех учреждениях), он вышел.

Гигантская птица летела сквозь чёрный мир, полный золотых шаров, источающих неистовый свет или тёплое сияние. На мягких перьях птицы, как в седле, сидели двое и разговаривали. Черноволосая, с овальным белокожим лицом Богиня Юго-Западного ветра задавала вопросы. Волосы её растрепались, хотя несколькими часами ранее ласковая и заботливая Рука уложила их, следуя сложному, почти архитектурному замыслу. Острая заколка из золота торчала в тяжёлом спутанном узле. Таков был и её характер – разом и созидающий, и разрушительный. В её новых делах всегда прятался элемент разрушения, а то, что она уничтожала, было обречено возродиться. Нельзя сказать, что таковы, мол, все Богини Юго-Западного Ветра. В мире всегда одна такая, ибо природа ветра не меняется с той секунды, которая казнит вечность и начинает Время.

Она родилась в одиннадцатый месяц Чёрной Лошади, пришедшийся, в свою очередь, на Зеркальный Год из четырёх цифр, отражающих друг друга. Таким образом, она была предназначена стать тем, кем стала – женщиной с растрёпанной гривой волос и на редкость чётким, организованным мышлением. Драгоценные камни ярко светились в этой гриве и меркли изредка: свитые в клубок змейки прикрывали глаза.

Раз в семь лет встречалась эта чудачка со своим мужем и единственным другом (эти две редкости соединялись в одном лице) на крыле могучей птицы, парящей между мерцалок, окон и швов мира. Она угощала его вином. Дел у Богини Юго-Западного Ветра слишком много, чтобы она успела обзавестись многими друзьями, а тем паче, мужьями. Этот был её законный.

Высокий и широкогрудый, как бык, с выпуклым лбом, он не производил впечатления человека грубой силы. Его тело отличалось особенной стройностью, как если бы он всегда парил в воздухе. Терпелив, но несколько недоверчив: вот его возможная характеристика. (Если бы ей потребовалось облечь в слова своё впечатление о нём.)

У таких, как её перманентный супруг, всегда на каждое незыблемое правило есть одно исключение, и за ним тоже такое водилось. Он безгранично доверял ей и, солги она ему в его всевидящее око, что кругом пусто, в то время, как вокруг чёртова дюжина летающих чертей, он бы поверил жене и умер... среди клубящихся чёрных перьев, конечно, и с проржавевшим ножом в левой руке – (его всегдашним оружием).

Глядя своим единственным глазом, расположенным внизу крепкого смуглого лба, прямо над переносицей, он улыбался ей. На вопрос – Любишь её? – он бы ответил мгновенно, без той смущённо-циничной ухмылки, неизбежно оскверняющей лик мужчины, когда ему задают такой вопрос. Розовые, сильные в поцелуе и в словах правды губы открыли в те неотмеренные мгновения улыбки острые треугольные зубы, белые, как у кота, страшные, как у молодой акулы. Он любил, и это было единственной отрадой в нелёгкой жизни Бога Севера.

Вернее, он сам был Севером, если вы понимаете, о чём я. Убей его Враги Жизни, и мир бы обрушился. Да, этот простой с виду парень был краеугольным камнем мироздания. Во всяком случае, одним из таких камней.

Мускулистый торс, лоб мыслителя и пронизательный глаз – всё в нём наводило на мысль, что на таких парнях держится вселенная. Защитник Жизни – вот его другое имя. Впрочем, манеры его вовсе не были столь же просты. Непритязательны, это да, но природный такт устанавливал ту грань, за которую простота не переходила, во имя Простоты более великой, более значительной.

Недаром Чувство Меры называли свойством божественным ещё в те времена, когда боги и на свет не родились. Многие полагали, что оттого-то они и появились.

Словом, он был красив и добр. Чего ещё можно требовать от мужа? А если ты сама добра, то знаешь меру высшей мудрости – принимай с благодарностью весь мир, а если отыщется что-то получше остального, бери, как незаслуженное, и радуйся со смущением в сердце.

Повинуясь порыву, Богиня Юго-Запада потянулась через расстеленный ковёр, на котором размещалась разная утварь, в том числе, стояли две чашки с недопитым чаем и блюдо с горсткой риса. Она взяла его руку, вольно возлежавшую на одном из крупных, как голуби, колен, натягивающих синюю грубую ткань его походных штанов. Поднеся к губам – маленьким и пунцовым – поцеловала тяжёлые суставы пальцев. Он наклонился и, не отнимая своей руки, коснулся губами её лба – высокого и белого – и, завладев крохотной белой ручкой, тихо сказал:

– Катя...

Пока он целовал её руку, она подумала то, что он подумал. Она знала слишком много людей, но не знала никого. Люди все одинаковы, за исключением тех, кого знаешь чуть лучше. Он выпустил пять её маленьких пальцев и произнёс эту мысль вслух. Она не кивнула.

Он потянулся над ковром и ухватил обыкновенного вида бутылку тоже вполне прозаическим жестом.

– Ну, знаешь, я не буду больше пить.

Он сделал досадливый жест.

– Катя, ну вот, честное слово... это очень приличное вино. Я был на виноградниках...

– И всё там заморозил?

– Как тебе не стыдно. Я работал там, чтоб ты знала.

Откупорил и вдохнув винный дух, прикрыл глаз. Она ополоснула чашки и протянула ему обе.

Оставив одну себе, шепнула:

– За то, чтобы мы не разлучались.

Он подивился силе женского воображения и откликнулся низким голосом:

– За то, чтобы мы встретились в следующий раз.

Птица резко подалась в сторону, из чашки выплеснулось в самом деле чудеснейшее вино и замочило подол её одеяния. Красное расплывающееся пятно показалось её мятущемуся разуму дурным предзнаменованием, но он остался спокоен.

Они замыли пятно водой, а птица обернула к ним чудовищный клюв и, разомкнув его, издала несколько мелодичных звуков. За то время, пока был провозглашён тост и столько сумбурных мыслей тревожили вечно ищущий ум Богини, птица взмахами бескрайних крыльев покрыла расстояние, достаточное, чтобы взять в кольцо с десятков окошек и сотню мерцалок впридачу.

Муж и жена поцеловались, соединив вечные начала мира. В эту секунду на ближайшей планете окончилась война. Дети, нисшедшие из материнского чрева в эти секунды, будут счастливы всю жизнь. Львицы произвели на свет львят, которые станут Отцами и Матерями возродённой львиной расы, бездарно прозябающей за решёткой и в диком состоянии.

Поцелуй завершился. Настала пора проститься возлюбленным. Жаль, что в мире столько нерешённых дел – войны, и голод, и невозможность уволиться с ненавистной службы. Когда всё это разрешится, на первый план выступит единственное стоящее дело – Любовь. Тогда мы погрязнем в тех проблемах, которые сейчас решаем между делом – имеет ли она право смотреть не на него и прочее.

Её узкие чёрные глаза только что слились для него в одно бездонное озеро. Пока он отстранялся, их снова стало два – два чёрных, узких.

Она смутно вспоминала всякий раз, как взглянет в зеркало, что, кажется, она родом из Синюхэчжоу, неподалёку от Сириуса... или это там, откуда виден Сириус? Как называется планета, она, хоть убей, не помнила. Да и кому нужно помнить имена? Она и своё скоро забудет.

Скрип среди мерцалок и их мерцания, фокусирующего потоки света с волшебной небрежностью, долгий скрип отвлек их от важного занятия. Будто открыли дверь где-то... Звук заставил их разом обернуться в разные стороны, как разведчиков, работающих парой. Пониже левого крыла птицы, великолепно зависшей в чёрно-жёлтом пространстве огня и тьмы, открылась и в самом деле дверь – круглый, чуть размытый в очертаниях шар мерцалки вытянулся, снопы огня прянули в стороны, сделался прямоугольник, – словом, было ощущение, что полоска света легла под медленно отъехавшей дверью.

Как ни досадно было, что последние секунды их свидания скомканы чужим присутствием, оба с невольным любопытством уставились на открывшуюся среди огней Вселенной дверь. Богиня Юго-Западного Ветра даже приоткрыла свой пунцовый рот – так ей сделалось интересно. Он же, в непоказной, но определённо оборонительной позе, развернулся в их чудесной небесной лодке, и плечи его как будто оделись металлом.

Длиннопалая длань его ещё не коснулась пояса, где шевельнулся никогда не подводивший его нож. Но Север был уже не поклонником своей госпожи, а телохранителем.

Тотчас он расслабился и даже нехорошо ухмыльнулся. Опасности не было. Из полосы света выступил кривоногий мохнатый Дьявол с несоразмерно длинными складчатыми крыльями за спиной. Должно быть, Дьявол дослужился до немалого офицерского звания, если судить по возрасту, животу и манере вполне доброжелательно рассматривать заведомо не военнообязанных лиц.

Сразу заметив именитых любовников и оценив красоту дамы, а также облик господина, Дьявол поклонился им, приложив лапу к потёртому френчу.

Чета почтительно откликнулась на приветствие. Она легонько кивнула, широко улыбнувшись, он коротко склонил голову с бесстрастным выражением лица и своего единого ока. Дьявол, беззвучно хмыкнув и, не собираясь продлевать знакомство, с видом обрезающего лишнюю лозу виноградаря, шагнул, одновременно прикрывая за спиной дверь, прочь, в чёрное, пружинящее под копытами пространство.

Так бы всё и завершилось – культур-мультир, как говорит Веда, склонная иногда к вульгаризмам, но на беду птица тоже решила, как следует, рассмотреть новое лицо и всем могучим корпусом дала галс к Южному ребру мира. Грубо говоря, она снизила высоту, для чего сложила планирующие крылья, в которых свистнул всегда свежий в этой части мира воздух – тьма почему-то со сладковатым привкусом свежеспеченных булочек и прогретая мелкими мерцалками. Здесь их было, что блох у кошки – хватало.

Когда же она вновь развернула крылья, маховое перо задело случайного свидетеля супружеской встречи. Дьявол пошатнулся, делая когтистыми лапами хватательное движение. Богиня Юго-Западного Ветра вскрикнула, привстав так, что её колени утонули в похожем на шерсть оперении, а Север только сдвинул широкие выцветшие брови – и всё.

В иллюминированном парочкой крупных далёких звёзд галактическом переулке этот коротенький эпизод выглядел обыденно.

Дьяволу не удалось ухватиться за перо птицы, но он устоял, тут же успокоительно улыбнувшись даме. Зато, к сожалению, из кармана его френча при этом движении, слишком экспансивном для пожилого и представительного чёрта, выпал небольшой предмет и, кувыркаясь, понёсся прочь, как нарочно подброшенный воздушной волной, которую создал вираж могучей птицы.

Отлетев на небольшое расстояние, так что Катя успела мельком увидеть предмет вблизи, эта егозливая штучка, найдя свободный воздушный тоннель, свалилась в него, как в колодезь. Её мигом утянуло так глубоко, что владелец, рванувшись было за потерей, тотчас отказался

от преследования и замер, не желая, как видно, больше жертвовать чувством собственного достоинства.

Он издал лёгкий вполне пристойный присвист в ответ на соблезнующий взгляд Богини, который она перевела из засасывающей, как кошачий зрачок, воронки воздушного колодца на пострадавшего.

Тот сделал жест двумя лапами, говоривший – такова жизнь. С первого мгновения этот растяпа внушил Северу далёкое, как гром, подозрение, но теперь этот подозрительный испытывал только лёгкое презрение и обиду за сорванные минуты свидания.

Дьявол с потешным отчаянием пожал плечами и с такой весёлой досадой сдвинул надбровья под заросшим наглухо лбом, что Богиня окончательно прониклась к нему сочувствием, как к существу, умеющему с честью выходить из неприятно-тоскливых ситуаций, которые хорошо знакомы каждому из нас.

Дьявол и тут дал понять, что не считает никого виновным, и вознамерился покинуть невольных знакомых, с которыми не сказал еще ни слова.

Но Богиня, умевшая ценить мужество во всех проявлениях и рождённая в час, когда созвездие весов сверкало в небе прямо над её страной, поспешно протянула белую свою ручку, выскользнувшую из широкого шёлкового рукава.

– Сударь! – Воскликнула она. – Секундочку...

Услышав это обращение, Дьявол осклабился с видимым удовольствием.

– Страшно неудобно... – Говорила тем временем красавица со спины неуклюжего чудовища, подвластного именно ей, а не её молчаливому спутнику, нагому по пояс, а снизу затянутому в глупые синие штаны. – Ай, как неудобно... это всё Гаруда, глупец.

И она в такт словам сгребла маленькой пятерней густые перья птицы, а другой ладошкой хлопнула рядом с накрытым ковром. Гаруда отнёсся к этой экзекуции с возмутительной невозмутимостью. Ему определённо было наплевать, если такая важная птица умеет плевать, ну, словом, чхать на свою неловкость. Север молчал, вежливо глядя на дьявола.

Почему и в чём, собственно, Север заподозревал дьявола, ему и самому было неясно. Север среди прочего в своей очень долгой и очень трудной жизни, где так редки минуты полного покоя, испытал и участь воина. В своей глубокой сущности, его призвание, «чин», как говорили на забытой родине его жены, и заключалось в неустанном несении воинской службы, вернее, наихудшего её варианта. Знакомый поэт Севера, ныне пребывающий в далёких обителях, составил характеристику, чтобы Север мог предьявлять её по требованию на погранзаставах. Там говорилось о голоде, жажде, тревожном сне и дороге, которая не кончается.

Сейчас в глубине его странной, в чём-то ущербной, но изумительно чистой и честной души, что-то насторожилось. Словно бы ветка предостерегающе закачалась, выдав присутствие врага, и врага злобного, – ну, истинного жителя тьмы.

Поделись он подозрениями с возлюбленной, она бы сказала ему, что не следует поддаваться таким предостережениям – этак легко уподобиться диким чертям, чьи грубо сработанные души одержимы идеей превентивного удара.

– Знаете, госпожа... – Заговорил, наконец, Дьявол и они услышали его голос, хрипловатый горлодёр заслуженного курильщика и ценителя старомодных анекдотов, который ещё сильнее расположил к нему даму, а подозрения в душе Севера сделал определённее. – Знаете, всё, что ни делается...

Он оборвал фразу, с тщательно скрытым раздражением посмотрел на сомкнувшийся колодец и продолжил, сощуривая круглые метушливые глаза:

– Возможно, это лучшее решение... Во всяком случае, лучше того, что я принял относительно некоего пустяка.

Он кивнул ухоженной бородой, спускавшейся до живота, барабанчиком натягивающего френч.

– Ага. – Добавил он с непосредственностью, неожиданной для аккуратно выбирающего слова и интонации потомственного служащего.

Он рассмеялся, очень сдержанно и, пожалуй, приятно, и подтвердил:

– Наилучшее.

Катя заохала и ещё раз мелодично извинилась, складывая ладони и склоняя голову так, что острая золотая заколка указывала на собеседника. Дьявол посмеивался и отрицал важность происшествия, затем, желая избавить их от последних угрызений совести, перевел разговор. Указывая на далёкое зеленоватое сияние в южном направлении, он заговорил о грядущих переменах – о них многие теперь говорили.

– Говорят, там что-то происходит... самые последние наблюдения убеждают, что Юго-Западный угол может преподнести неожиданности.

– Да, я тоже читала. – Поспешно заворковала Катя, поняв всем своим щепетильным существом, что собеседнику не доставляет удовольствия вспоминать о потере.

– Стало быть, – вежливо поддержал жену и нового знакомого Север, -этой неожиданности следует ждать уже сейчас, ибо то, что наблюдают учёные мужи, происходило два асмуса назад, не менее.

Тон он взял жестковатый, что составляло неожиданный контрфорс с исключительной учтивостью речей и чистотой произношения.

Дьявол деликатно захихикал.

– Не могли бы вы сказать, господин, в чём будет состоять эта неожиданность?

Север улыбнулся, и улыбка его жене не понравилась. Он не ответил, но не потому, что пренебрёг правилами незапланированного светского раута. Его молчание заполнило паузу лучше любого ответа. Дьявол, совсем не знавший Севера, не придавал значения улыбке, и сам принялся «умничать», по его собственному выражению.

– Это затронет всех. – Толковал он. – Во всяком случае, мерцалки все окажутся втянуты. А что касается металок, то в первую очередь, те из них, у которых под скорлупой гранитов и базальтов зреет в огненной мрети неотступной жизни дитя-дракон.

(Вот, честное слово, так и сказал. Север поморщился, хоть был не книжник, а корабельщик, но такая литературщина и его смутила.)

– Если у Северной Стены что-то произойдёт, как знать, не ускорится ли развитие страшного младенца? И что тогда прикажете делать мирнейшим обитателям таких планет? Знаю одну, неподалёку, кстати. Там уже давно странности множатся, а жители ничего не успевают почувствовать. Хорошая, к слову, металочка.

Дьявол покосился на Катю с необъяснимым выражением ожидания, но Богиня Юго-Запада безмятежно слушала ересь, которую нёс этот задавака.

– Ну, насчёт странностей. – Вместо неё поддержал разговор Север. – Ничего с ними не сделается. А что касается драконёнка, то он может покинуть скорлупу, не повредив поверхности планеты.

Дьявол, вместо того, чтобы осердиться на явственно ироничный тон Севера, казалось, напротив того – почувствовал уважение к мрачноватому человеку в синих штанах, сложённому, как один из богов древности, и, вероятно, таковым и являющемуся. Он хотел ответить, и подыскивал реплику, которая свела бы на нет некоторую напряжённость случайной беседы и в то же время позволила бы закопчённому атлету выказать остроту своего ума, несомненно, неординарного, несмотря на чрезмерную брутальность суждений.

Но едва он такую реплику подыскал, во френче у него зашкворчало, будто у него там жарилась яичница из недосиженных драконят. Дьявол сделал выразительную гримасу, насколько позволяла его мохнатая физиономия, и извиняющимся жестом тронул френч.

Он попятился, грузный немолодой офицер в потрёпанном френче, старающийся выглядеть бравым молодцом перед очаровательной женщиной. Очень правдоподобно.

Это и вызвало неосознанный протест у Богини Юго-Западного Ветра, но это неумное ощущение она немедленно подавила. Вытаскивая из кармана врушку, Дьявол заметил вскользь, но почтительно:

– Прогулялся, старичок, проветрился... пора и честь знать.

Он откланялся, держа на отлёте шкворчащего врушку, и, встретясь взглядом с дамой, глазами показал, до чего ему жалко покидать многообещающее общество. Дёрнув герметическую дверь, он ушёл в открывшийся проём слабого разгорающегося света. Тяжкие, как пропылённые шторы, крылья его проволочились за ним по осветившемуся загаженному порогу, и там за порогом Катя успела увидеть к своему удивлению полотенце, белейшее полотенце, вафельное пупырчатое, которым вытирают руки, на полу и отпечатки копыт конторскими печатями на его вафельной наивной белизне.

Дверь захлопнулась, и отзвук разговора почудился Богине, а глупое видение она по своей всегдашней доброте стёрла из памяти. Катина память была домом в сто этажей и хранила всё, что за свою жизнь Богиня узнала обо всех живых существах хорошего.

Когда они остались одни, Север разлил по чашкам остатки вина.

«Забавный дед», – собиралась сказать Катя, следя за движением узких и крепких узлов мышц под смуглой кожей друга.

Кожа эта была выдублена не только светом Орса, но и дождями, ветрами и пытками, всеми асмусами орсолет, как сказали бы жители этой металочки, которой позабавивший богиню Юго-Запада старикан несколько минут назад пророчил страшные сюрпризы...

Произнести умиротворяющую фразу, на которые торовата была бесконечно милосердная женщина, ей не пришлось. Любовник её разомкнул уста и изрек, заглядывая в глаз бутылки сквозь соломенные ресницы:

– Горнапштикнер ему товарищ.

Катя против воли рассмеялась, так забавно прозвучало упоминание о старом, отошедшем от дел письмоводителе Северного Угла. Драгоценные камни в её волосах заблестели, оживая.

Но муж, остро глянув на неё светлым, с огромным чёрным зрачком, глазом, повторил:

– Да, любезная вы моя Богиня Юго-Западного Ветра.

Он подал ей, низко склонив голову в знак любовной покорности, чашку, в которой кой-что осталось. Катя беспрекословно приняла.

– Чего у него потерялось, ты не успел разглядеть? Смешно сказать – любопытство бабье...

Север смотрел на неё влюблённым глазом, забыв о всяких престарелых полковниках подземной службы. Они содвинули кубки в пустоте, запыленной золотыми вращающимися шарами.

– Сначала мне блазнулось, что это врушка у него трещит, но потом... -Она с наслаждением отпила глоток лёгкого и оттого опасного вина. Посмотрела над краем кубка на Севера. – У него там зашкворчало...

– Зашкворчало... – Сквозь зубы задумчиво повторил Север.

– Откуда здесь колодец? Все эти бесчисленные ходы, кто знает, куда они могут привести. Такой он странный, этот мир. – Устремляя чёрные печальные глаза во Тьму, говорила Катя.

Она встрепенулась.

– Так ты не...

– Заметил. Я заметил. – Неохотно сказал он. – Запоминающее устройство.

– Да?

– Да.

– Как смешно. То есть, обидно... бедный, а вдруг там что-то, ну, очень важное.

Север буркнул:

– В такой-то форме... и, главное, с такими гляделками.

Он повеселел.

– Сквозь них виден Ад.

– Виден – что?

– Старое слово. Устаревшее, вернее. Ну, теперь это называется подземной службой.

Катя помрачнела:

– Да, я знаю, про них много дурного рассказывают. И всегда, что интересно, шёпотом.

«Правильно делают – что шёпотом», хотел отрезать муж, но смолчал: противно портить свидание, так долгожданное, сим вздором. Зачем Гаруда завис в тёмной завесе их вечно дремлющего мира именно тут, где творится или, хотя бы помышляется, нечто неподходященькое, определённо неподходященькое? Я это знаю, и, хоть зарежьте меня, хотя это и не вполне возможно.

– Попадись мне это запоминающее устройство, я бы непременно проиграл его на первой же попавшейся обещалке.

– Как тебе не стыдно. – Автоматически вырвалось из её пречестных сочных губ.

Но немедля пытливый умишко её запетлял, подобно крылатой змее, покамест не видящей нужды взлетать.

– И что ты бы там увидел своим пронизательным оком, мужчина?

– Полагаю, содержимым башки этой куколки обеспокоились бы любые службы защиты жизни в этом нашем мире, о котором ты так печёшься.

Холодный тон смуглого и ясноглазого приятеля (ибо он был ей приятен) не понравился Богине Юго-Западного Ветра.

– Службисты всегда любят искать предателей Родины. – Сухо ответила она. – Нектаруса им не дай, а скажи, что тот или этот выдали государственную тайну.

Север промолчал. Она почувствовала, что змейки рассержены, что ли. И, правда, одна подняла остроугольную мордочку из её волос, и драгоценные камешки засветились просто пронзительно, а ротик приоткрылся, дразнясь хорошеньким языком. Север протянул руку и погладил прянувшую в сторону змейку. Другая посмелей тоже высунула головку и позволила себя приласкать. А потом взяла и тяпнула Севера за палец.

– Извини. – Густо покраснев, сказала Катя и принялась поправлять причёску, пытаясь уgomонить рептилий. Те шипели и извивались, высовывая язычки.

– Почему ты решил, что это у него была куколка? – Явно, чтобы Север забыл, что жена кусается, суетливо заговорила Катя.

– Показалось. – Лаконично ответил он и улыбнулся, показывая, что да – она кусается, но что всё в ней ему любезно.

– Мне кажется таким милым, что они делают запоминающие устройства в виде куколок там, птичек, бабочек... Забавно.

– Ага.

– Но что может быть опасного в куколке этого смешного дядьки ... – Она качнула уже успокаивающимися змейками в сторону почти погасшего четвероугольника света. – Старый службист... какие-нибудь старые конверты, пыльные письма, ну, сведения, которые ему кажутся страшенно важными, даже компрометирующими... кого-то из его дорогих товарищей. Возможно, у него самые благие намерения.

– Несомненно.

Пришла пора прощаться, и они прибрали утварь, сполоснули чашки и заварочный чайничек, а Север скатал ковёр и ремнями затянул на португее птицы.

Бутылку Север собирался забрать с собой, чтобы не обременять тонную барышню пошлыми деталями, вроде поиска стеклодувной фабрики, но Катя бутылку придержала и сказала, что это такая штука, которая может понадобиться.

Под оперением Гаруды, мерно взмахивающего крыльями или с непостижимой ловкостью расчёта держащегося в воздухе над бездной почти неподвижно на распростёртых мощ-

ных плоскостях, Катя нащупала, убирая посуду, какой-то свёрток. Тут же она напонила себе, что в начале свидания обратила внимание на то, что Север спрятал что-то поближе к затылку Гаруды, где перья кустились как подлесок.

Она показала ему свёрток и вопросительно взглянула на друга, вытряхивающего скатерть в таинственную сень Яви. Теперь его время смешаться и покраснеть.

– Это... – Начал он, комкая скатерть, – Видишь ли, дружок... я подумал...

Катя отобрала у него скатерть.

– Да, да?

Он с легкостью преодолел смущение (Катя отметила это с неудовольствием, уж больно редко удавалось вогнать его в краску, а он был в этом состоянии хорош на редкость) и сказал, выпрямляясь и стоя на фоне чёрной мглы и мерцалок, прямой и неподвижный:

– Я заметил, что ты трижды на наши свидания одевалась в одно и то же платье.. прости, если не то говорю... и я подумал... у тебя вечно ни средств, ни времени... я осмелился на свой вкус... возможно, оно подойдёт?

Она уставилась на свёрток в своих руках, потом еле подняла глаза на него. Она была так взволнована и растревожена, что у неё слов не находилось, тем более, что видимый сумбур его речей не обманывал её – она знала, как он умеет рассчитывать всякое слово, даже в семейной жизни.

– У меня слов нет. – Честно призналась она, выбрав наилучший вариант.

Она прижала свёрток к груди, потом села и, устроив его, как кошку на коленях, развернула. Вытянув краешек чего-то необычайно нежного, она тихо ахнула и поблагодарила его взглядом. Змейки разом прикрыли мерцающие, как мерцалки, глазки, так что копна волос её потемнела, напомнив, что лик Ночи так же подвластен ей.

Он деликатно придержал её руку.

– Сейчас не разворачивай... Возможно, там что-то надо подшить... ушить, не знаю...

Она ущипнула его повыше локтя.

– Я не знала, что ты вообще видишь, что на мне надето.

Он, извиняясь, приподнял плечи. Тут же он нахмурился – из оперения Гаруды донёлся противный, но смелый писк, и перья бурно зашевелились. Север сдержал вздох.

Крохотная белая, как снег, тварюшка вылезла из пёстрых перьев и нагло вскочила на свёрток, злобно его обнюхивая. Катя приласкала животинку. То был её любимец – двуликий Кото-Кролик, загадочное создание с нелёгким нравом, некогда вышедшее из Реки Мира так поспешно, что сам Кормчий не сумел разглядеть толком, кого он привёз – кота или кролика?

Вдобавок на берегу боролись Тигр и Бык, учудившие сцепиться, едва лодка причалила, и Кормчему пришлось с воплями броситься на Берег, забыв о достоинстве и задействовав весло, тяжёлое, как копьё. Блестя бритой большой головой Кормчий орал и метался, но разнять хулиганье сразу не удалось. Бык ревел, а Тигр мерзко ныл, дергая по Нетронутой Земле хвостиком.

Кото-Кролик тем временем опрометью пронёсся в Лес, и Кормчий успел только по воздуху наподдать, рявкнув:

– А ну, стой, белявка!

Стоит ли добавлять, что Кро-Кот и полмгновеньица, внезапно потекшего рекою Времени, не затратил, чтобы обдумать это недвусмысленное предложение. Кормчему, скажу честно, изрядно подуставшему, было не до пустяков, вроде очередного сгустка протоплазмы.

Он жаждал всей чистой своей мужественной душой, во-первых, отдыха под Сенью чего-то там и еще, во-вторых, пополнить флягу с нектарусом – вернее, с первым и лучшим его вариантом. Так кроля и не отловили. Позднее он присоседился к Богине Юго-Западного Ветра. Как он это сноровил, неведомо даже Кормчему, а уж тем, кого высадил он из Лодки, – и подавно.

Севера белявка не любил, да и никого вообще, сдаётся мне. Более или менее, он снисходил к той, которую соизволил учредить своей хозяйкой, но и то фыркал в оба чёрных носика разом, недовольный то морковкой, то своей постелькой из нежнейшего пуха Гаруды, надёрганного стервецом, к слову, собственными слабенькими лапками из терпеливого Царя Птиц.

Сейчас он вертелся, топтал свёрток, дорывался до содержимого чёрными носами, а две пары белых, как миндаль, острых ушек прядали лепестками под дождём. Фыркнув на Севера, он забрался в хозяйский рукав. Катя скосилась на шевелящийся рукав, потом встретила взгляд Севера: оба улыбнулись.

Катя смолчала, прислушиваясь, как затомилось её усердное сердце, что-то наговаривая ей, торопясь предупредить... она молча пошла в его объятия, не произнеся ни слова и удивляясь тому, что зачем-то вспомнилось ей.

Одну из своих жизней Север по собственной прихоти прожил в образе белой собаки, в семье, во дворике дома с несколькими квартирами, на побережье Юго-Запада большой страны Сурья на металке, которая сейчас называется, кажется, как и тогда... чёрт подери, как же она называется?

Тогда Севера не интересовали такие вещи, но интересовало многое другое. В холодный день, когда году исполнилось всего несколько дней, его, крохотного, ослепительно белого щенка-дворняжку несли по улице. На перекрёстке встретилось ему новое божество – донна, возглавлявшая большую семью и управлявшая ею куда увереннее злосчастливого кормчего.

Донне требовался новый страж огорода, и она властно остановила того, кто нёс новорождённого, и возвестила ему об этом. Пёсик был взят и воспитан в квартире в течение года, где усвоил все жизненные правила. Затем он был водворён во дворе в уютнейшем домике, против чего он ничуть не возражал – ему полюбился простор двора и зелёные заросли манили его. В нём начала сказываться наследственность – кровь булей смешалась в его жилах с кровью бесконечно разнообразной и бесчисленной дворняжьей семьи. Всё лучшее взял он от бульдогов и всё лучшее от простаков. Смелость соединилась в его мозгу посредством неведомой алхимии с бесшабашностью, упорство в достижении цели с открытым и непредвзятым взглядом на мир.

Он был любим семейством, воспитавшим его, и, пожалуй, слишком любим. Скоро он оказался страшным гулёной и, не жалея своей восхитительной белизны, столь эффектной при его массивной и мускулистой сути, избегал вдоль и поперёк маленький посёлок у предгорья. Там было много лестниц, и он вычитывал каждую ступеньку, как прилежный редактор.

Его бранили, умоляли, просили приходить пораньше... его не привязывали... и он соглашался с доводами и исправно сторожил дом и всех людей, каких знал с детства. Он знал тех, кто живёт внизу, и тех, кто смотрит с балкона. Никогда он зря не лаял, молчаливый и спокойный, он нарушал своё молчание в случаях, где было не обойтись без этого, казавшегося ему необязательным, занятия.

И он ушёл, и не вернулся, и странствовал по дорогам, вольный красивый и смешной пёс. Со смутной нежностью вспоминал он свою семью и хорошо относился почти к любым людям. Но он не вернулся. Многие из людей пленялись его разумной мордой и внушительной грузноватой статью. Они недвусмысленно предлагали ему кров и пищу в обмен на его постоянное присутствие в их жизни. Он вежливо отказывался.

Что ему надо было на земле? Что хотел постичь в собачьей шкуре Север, зачем поместил, как металлическую пружину, свирепую душу солдата в комок пуха и тоненьких косточек? Помнил ли он сам что-нибудь, когда копошился в корзинке среди других крохотных дрожащих комочков? Это произошло в канун самых страшных морозов, и заботливая рука божества прикрыла колыбель с щенками превосходным ватным одеялом. Не был ли он первым из этих неосмысленных сгустков протоплазмы, кто приподнял край покрывала и выглянул в неопознанный мир? О нет. Он решил сыграть по правилам: не помнить ничего и узнать всё заново.

Мало, кто знал об этой его выходке. Как-то раз он рассказал об этом жене. Она удивилась, но ненадолго. Эта история лишней раз убедила её, какой замечательный у неё муж. Такой чудак, право. Она скоро забыла об этом, но сейчас, прощаясь, почему-то припомнила эту милую нелепицу.

Он приласкал сквозь рукав злоку-кроля, и глухое ворчание было ему ответом. «А малыш хороший страж для неё», сказал он себе и покрепче прислонил её к крутому загибку Царя Птиц.

– Прощайте, ваше величество. – Коротко, по-военному, склонив голову, обратился он к Гаруде.

Гигант повернул страшный клюв и проклёкотал, как горная река.

Катя подхватила лёгкие вожжи, и Гаруда снялся со своего незримого причала в воздухе. Поднялся ветер, птица развернулась и, ударив крыльями по тьме, прорезала её, в полмига унеся всадницу. Сомкнулась завеса мрака за улетающей, и золотые шары мерцалок заколебались, будто их задувало порывом грозы где-нибудь в крохотном городке весной.

Север как спрыгнул со спины Гаруды, так и стоял на ступившейся и затвердевшей под его ступнями пустоте. Он смотрел, как гаснут огни рампы, и сердце его переворачивалось от желания вызвать на сцену любимую актрису.

Ах, неистов был порыв ветра, вызванный виражом царя птиц, у которого, поверьте, есть своя собственная история, недоступная мне за недостатком времени. Сама природа тьмы в этом районе изменилась.

Свернувшаяся, подобно крови, материя забила колодец, как какой-нибудь слив в мойке. Зато поодаль расчистился заброшенный раструб старинной космопочты (туда просто засовывали письмо, желательно в бутылке).

Из этой-то воронки и вынырнула штучка, утерянная рогатым незадачником. Кувыркаясь, полетела она, храня бесстрашие, в лучах рассиявшихся мерцалок, и Северу оставалось только вытянуть руку и принять её на раскрытую ладонь.

Это он и сделал.

Разжав кулак, он увидел, что на ладони у него стоит кроха-куколка, светленькая, в чуть помятом голубом платьице и смотрит единым оком так, точно видит его насквозь и в тоже время не замечает вовсе.

Впрочем, ничего зловещего не было в облике этой сверхтехнологичной модели запоминалок, которой воля Творца придала облик северянки. Это глянулось бы Катюше. Север снова посмотрел в чёрную даль и увидел, что переполошённое мерцание снова узаконилось. Он заставил себя позабыть о Гаруде, взрезающим пространство на пути к прекраснейшей из обителей.

Он целиком сосредоточился на рассматривании игрушки. Всегда она твёрдо стоит на ножках, даже если её уронить, это-то он знал, имел он и прежде дело с куколками, не в этом облике, ну, да облик дело пустяшное. И не скажешь, что у такой масявки за гладенько причёсанным шёлком волосёнок, быть может, имеется что-то, ничуть не соответствующее её платьишку и мордашке. И это вселило в Севера смутное отвращение к куколке. Ощутить бедняжка его не могла. Он устыдил себя, хотя куколка и не была живым и страдающим созданием. Он заставил себя почувствовать к ней уважение – ведь эта безделушка знает что-то важное. Она может раскрыть...

Тогда-то впервые осознанно и промелькнуло у Севера слово «преступление», но это было уже ни к чему.

Он ещё не решил, дожидаться ли ему омнибуса или, сменив нынешний облик на перво-зданный, унести на крыльях, ещё более мощных, чем у Гаруды, на край света – на Север, домой. Размышляя над куклешкой, он не забывал стоять лицом к погасшему прямоугольнику, обозначающему дверь, из которой явился тип. Типу удалось невозможное – омрачить послед-

ние минуты Свидания, а потому он достоин звёздочки на тетрадку. Оттого Север не увидел, как разошлась Тьма за его плечом и выпустила его Участь.

Правда, он, конечно же, успел своей бойцовой выдубленной кожей ощутить перемещение воздуха, и рука его молнией скользнула, и был выдернут из кармана штанов нож-невидимка, и так вот – с зажатой накрепко в правой кулаке куколкой и ожившим ножом в левой – принял он посетительницу. Острие очень длинного мясницкого ножа пронзило его спину между лопатками и вышло из груди. Он скосил глаз и увидел клинок, и умер.

Убийца немедленно и первым делом перехватил рухнувшее тяжёлое от омертвевшей силы мышц тело, и, крихтя, уронил его на плотную тьму. Ноги Севера согнулись в коленях. Мёртвый, он свесил их в бездну, как в речку с лодки.

Убийца (он был высок и строен, в плащ-палатке подземной армии), осторожничая, отступил на шаг. Засим он бесцеремонно принялся раскрывать сжатые пальцы правой руки убитого. Непросто оказалось обобрать мертвеца – толика жизни ещё пряталась в земной могучей оболочке. Наконец, он разомкнул пальцы лезвием ножа, вытащенного им из раны, – и куколка лихо, как рекрут, встала на ладони Севера. Спокойно посмотрела на убийцу. Это было обманкой – он наклонился и таким образом попал в поле её зрения. Но он сунул куколку в глубины своей палатки с поспешностью, не соответствующей его облику. Был он либо молодым дьяволом-офицером в небольшом чине, либо когда-то был человеком. Лоб его не весь зарос, а руки он затянул в щегольские кожаные перчатки, чего не делали обычно представители натуральной армии.

Затем он взялся за левую длань. С криком он выпустил руку, по-прежнему сжимающую оружие. Чёрная кожа перчатки была рассечена. Убийца поднёс раненую руку к рано состарившемуся узкому рту и, слизав мутную вонючую каплю перерождённой крови, соорудил сам себе гримасу.

– В порядке, начальник. – Проговорил он. – Н-дэ.

Он вполне культурно спихнул тело в колодец, и, развлёк себя зрелищем того, как, расплывшись до предела, воздух принял печально падающее навзничь тело бессмертного. Блеснуло лезвие в руке воина, и тело закружило при спуске в бездну. Прощай, Север. До встречи, Север.

Прямоугольник света ожил, рывочками раскрылась дверь. Дьявол, теперь в погонах (они крепились липучками), посмотрел без всяких словес на убийцу, сунул руки за спину, покачался на копытах, пожевал губы.

Покинул порожек, и, затворяя дверь, сухо, не глядя, кивнул не сразу вытянувшемуся во фронт убийце. Протянув руку ладонью вверх, он внимательно взгляделся в глаза подчинённого.

– Ну? – Грубо уронил он.

Подчинённый, держа на отлёте руку в распоротой перчатке, другую запустил в плащ. Дьявол выхватил протянутую куколку. Жадно он посмотрел на неё, вставшую на мохнатой ладони с раздвоенной линией жизни. Уловив взглядец молодого офицера, указал на его перчатку.

– Как вам не совестно. Приведите себя в порядок, немедленно. – Сказал он, упрятывая куколку в карман френча и наглухо застёгивая кармашек.

Подчинённый позволил себе сделать недоумённо-почтительную мину, и дьявол прикрикнул:

– Кровь жертвы! Пошлость. И мне, скажу я вам, любезный, очень понравился этот человек. Жаль...

Подчинённый тихо заметил:

– Если бы вы знали, кто он, вам бы он менее понравился, господин полковник.

Полковник отметающе махнул лапой и нахмурился.

– А... у вас кровь... это он вас ранил! Ах, до чего славный человек. Умер, я чувствую, отменный солдат.

Высокопарный тон, а возможно, и болевое ощущение заставили подчинённого поморщиться, как от насильно влитой в горло патоки.

Повинуясь дисциплине, он опустил глаза. Пересилив себя, выслушал дальнейшие поручения, данные негромким голосом полковника-демагога, который мог бы, ежели хотел, быть удивительно нелюбезным, а сейчас он, как чуял бедный убийца, именно этого и хотел. Тем не менее, указания и приказ были выслушаны, молодой офицер отдал честь и повернулся чуть быстрее, чем прозвучало «Вольно!»

Не дожидаясь, когда уберётся наёмник, Дьявол хлопнул за собою дверью, и всё смолкло в душной темноте, где ещё нежно благоухали Катины духи и определённо пованивало кровью молодого дьявола.

Так совершилось убийство Севера.

Угол мира.

А теперь я хочу рассказать вам об устройстве мира. Не сердитесь на меня, пожалуйста, и не залистывайте это место. Ведь устройство мира такая штука, без которой никому не рассказать самой завалющенькой истории. Дело-то в том, что иной раз – и очень даже частенько – случается, что устройство мира оказывает на героев истории значительное влияние. Они даже и сами не догадываются, до какой степени это важно. Это во-первых. Во-вторых, у меня – как бы это выразиться – нет выбора. Я сейчас нахожусь... ну, да ладно. Ладно.

Это уж другая история.

Конечно, следовало бы мне нарисовать карту и поместить её на форзаце, но у меня, по правде, не очень много времени для того, чтобы овладеть картографическим мастерством.

Грубо говоря, он похож на одну-единственную ячейку пчелиных сот, которую мы обычно видим только в срезе.

Некогда были целые соты с мириадами ячеек, и были они населены умнейшими и прекраснейшими существами, мы и наши пчёлы лишь грубая пародия, – и хранились эти соты в ульях, а ульи стояли в саду, где всякая тень была источником мудрости, а сад цвёл вокруг домика, в котором кто-то жил, и тысячи таких домов в перстнях садов были там, и над ними имелось какое-то небо с облаками. И сквозь облака сияли звёзды (старое название мерцалок).

Потом что-то случилось, и округа, и дом, и ульи, и сад прекратили своё существование, и лишь отдельные обломки улья остались мотаться в бесконечной и душной тюрьме духа.

Тюрьме этой имя – небытие.

Внутри уцелевших целостных октаэдров никто не жил очень долго, но постепенно в иных из них зародилось подобие былого. Прах разрушения сконденсировался, и в тишине восьмиугольной пустоты принялись вращаться тысячи мерцалок, на них родились умненькие существа, и пошло себе, поехало. Пару раз происходили взрывы, и так образовалось двойное кольцо – времени и пространства – внутри октаэдра, и что за чудеса мысли, что за книги, что за кровавые войны тут у нас пошли! Красотища!

Первыми из тех существ, которым нужно зеркало, появились северяне, названные так по месту обитания. Они жили в крайнем северном углу, на выступе Основной Стены, вроде галереи. Поскольку они изначально оказались ближе к границе мира, и времени, чтобы изучить его, у них было побольше. Когда появились остальные, северяне ещё существовали.

От них осталось кое-что, но сами они куда-то делись. Не всему, что рассказывают о них сказки, следует верить. А, может, их и вовсе не было. Вполне вероятно, версия о существовании северян родилась из попыток объяснить наличие двойного кольца и нежилых углов вселенной.

Внутри октаэдра сформировался живой шар обитаемого мира. В нежилых конусах царило полное запустение, как в тех уголках, до которых во время уборки не дотягивается карающий вечный покой веник.

Если лететь к плоскости, или углу, или ребру мира, всё выглядит, как обычно, до тех пор, пока не наткнёшься на незримую преграду. Чем ближе к дуге шара, там труднее двигаться. Всё останется таким же – и тьма, и свет мерцалок – но мерцалки словно бы впечатаны во тьму, а тьма застыла, как желе в формочке.

И дальше ходу нет.

Что касается неметёных углов, которым приписывают таинственных жильцов, то добраться туда, очевидно, невозможно.

Таков мир.

По легенде из старейшей базы данных, северяне переселились на одну из больших металок (планет), но она взорвалась – драконыш оказался великоват. Осколки скорлупы образовали циклопическое двойное кольцо, хранящее призрачную форму планеты. А, стало быть, и северяне существовали. Правда ли это, вам не расскажет никто – даже старый служака с хвостом.

И не всякая-то куколка это знает...

Вообще-то, мир невелик. Это можно понять даже изнутри. Его легко облететь по окружности, а теоретически можно добраться и до стены.

Можно и покинуть его. Ведь драконы исчезают, хотя, говорят, не все. Кто-то же продолжает драконий род?

В юго-западном углу на волнах темноты лежит маленькая металка. Она почти плоская и потому только крутится по часовой стрелке, но не вращается. На ней цветут белым цветом тоненькие юные деревья. Каждый лепесток – мир. Сколько лепестков, столько и миров. Когда под ветром, редким здесь, опадает лепесток, сгинул мир.

Вечно цветут деревья, а когда начнут зреть на них плоды, что будет? Никто не знает.

Это просто одна из сказок, оставшихся от Северян.

Но я не верю в неё, я-то просто запоминаю, не более.

Но мне следовало начать с того, как мир выглядит изнутри. Исправляю свою ошибку. Он чёрный и переполнен золотыми и огненными шарами, мечущимися в этой черноте. Как вы сами понимаете, шары эти могут осветить лишь незначительное пространство вокруг себя, но и то, как говорится, спасибо большое.

Те из них, которые горят изнутри, называются мерцалками и ходить по их поверхности нелегко, почти невозможно, если вы не дух огня. Ну, а те, которые уютнее с виду и светят отражённым светом, называются Те, Кто Мечется – ибо они совершают путешествия по Миру, чаще всего со своими мерцалками, которые их греют.

Попросту мы зовём их металками, и это вовсе не звучит обидно, ведь это отражает истину.

Кроме того, имеются окна, двери и швы пространства, которые ни что иное, как именно окна, двери и в самом деле, очень похожие на кое-как сшитые куски мешковины, потёртости на воздухе. Даже споротые нитки кое-где торчат. Считается, что это следы ремонта в те времена, когда мир слишком быстро рос и трещал по-живому.

Так или иначе, швы кривоваты, стало быть, действительно кто-то торопился, восстанавливая утраченную пространственно-временную целостность. Окна открываются довольно часто, двери – реже и они, как следует из названия, побольше.

В тот же день, внизу.

Кот вошёл в комнату с таким видом, будто он что-то знал такое, о чём следовало бы знать всем. На самом деле, у всех кошек такой вид, когда они собрались соснуть невовремя. Закат уже свершился, и блёклое небо ещё сильнее выцвело, прежде чем потемнеть.

Свернувшись и изобразив подобие мохнатой серой гусеницы, кот улёгся возле симпатичного дивана-коробочки. Мама утверждает, что туда вполне можно было бы сунуть сердечного дружка. У Веды не было сердечного дружка – ну, что ж, как гласит пословица, браки ведь, известно, где заключаются. Стало быть, синюю звезду Веды затмило – по каким-то причинам. Она подумала, что мама, наверное, уже вышла из церкви.

Служба ещё не кончилась, но Надежда Наркиссовна всегда уходит чуть раньше, чтобы дочь не волновалась и – по её утверждению – чтобы продлить местным сплетницам нить жизни.

Подобно болотным котам, этим застенчивым хищникам из камышей Синюхэчжоу, держится она поближе к великолепным стенам Парка, и, знай, чешет по улице для пешеходов, и пышно разросшийся плащ одичавших глициний, присушенный недавней метелью, волнуется над нею, как плащ героя. Так и вижу мамин хвост, шутит Веда, стучащий в нетерпении по ногам.

Прочно улёгшись, животное тотчас встрепенулось, так что собеседники невольно посмотрели, как разворачивается косматый коврик его небольшого тела.

Кот энергично расчесал стальными коготками бакенбарды, совсем такие, как у одного классика литературы, чрезвычайно любвеобильного, хотя это, возможно, к делу не относится. В каждом движении кота чудился невысказанный вызов, но это так только казалось. Кот ничего не имел в виду, это была обычная кошачья манера всё делать напоказ и с апломбом. Даже когда они выставляют ногу пистолетом, штопая свои гульфики, кажется, что заняты они делом общественного значения.

Затем зверёк окончательно утрамбовал себе невидимое гнёздышко на красном паласе и заснул немедленно, прикрыв, сохранности ради, чуткий нос кончиком пушистого хвоста.

На диванчике продолжалась беседа. Сейчас снова заговорила хозяйка, светловолосая, в мягко облегающем фигуру лиловом халате. Она вообще ценила нежные, но плотные ткани, похожие более на вторую кожу. В таких одеждах чувствуешь себя, как рыба в воде, она даже сказала это своему гостю, ещё в прихожей, извиняясь за домашний вид.

Впрочем, они были приятели, да и вообще нравы в городке были патриархальными. Кошка здесь лезла вам на колени, когда хорошенькая цырюльница усаживала вас поудобнее в вертящемся страшном кресле, всклокоченный зелёный попугайчик-ябеда выпрашивал вашего внимания, когда вы входили в хлебный магазинчик. Огромный пёс укладывал внушительную пасть на колени ваши, если вы входили в местный кинотеатр, чтобы покалякать о том, о сём с его директором, приятнейшим человеком, несколько суровым на вид и похожим на тигра, которым он, кстати, и являлся.

Но, конечно, белокурая особа беседовала с гостем не о нравах в городке. Речь шла о книжных шкафах, которые она намеревалась заказать в его магазине. После смерти отца книги были не устроены, теснились в неудобных стеллажах, на скорую руку сооруженных отцовским приятелем-плотником.

Теперь, когда они с мамой получили второй гонорар за книгу о сходстве футбола и шахмат, откладывать устройство библиотеки было уже как-то неудобно. Правда, папа не выражал никакого нетерпения, навещая их по своему обычаю в виде бражника, небольшого, со светящимися глазами. Образ этот был им выбран, видимо, не без юмора, хотя, по правде, покойный никогда не грешил (во всяком разе, так, чтобы стоило об этом говорить) известным пристрастием, на каковое в городке вообще смотрели очень добродушно.

Возможно, ему нравилось гудение, испускаемое крыльями этой сильной бабочки, звук почти за границей слабого человеческого слуха. Но, скорее всего, дело было в сходстве способа передвижения – если ты зарабатывал на хлеб насущный, всю жизнь перевоза людей по воздуху

на стареньком самолёте пассажирского авиафлота, уж непременно захочется тебе полетать над землёй без груза и острого, сжигающего нервы лётчика медленно, но неуклонно чувства ответственности за чужие жизни и старую, любимую машину...

Так или иначе, он не подавал никаких знаков ни красавице жене своей, ни мрачно-той дочери, засидевшейся в девках, что его, свободного от обязательств, расстраивает состояние семейной библиотеки, собранной ещё его прадедом и усердно пополняемой им самим, хотя, будучи по своей мужественной натуре «более корабельщиком, нежели книжником», как с любовной иронией говаривала его жена, он не особенно склонен был поглощать мёд собранной им премудрости.

Хозяйка повернулась к собеседнику и с лёгким, не вполне искренним вздохом, закончила свою мысль:

– Пусть они будут застеклённые и такие, чтобы ни одного корешка нельзя было разглядеть.

Собеседник очень ласково кивнул на это, совмещающее несовместимое, требование и спросил:

– Оляха? Дуб?

Веда задумалась, при этом она повела взглядом вверх и вправо: верный знак того, что человек пытается представить (вообразить) себе то, чего нет – пока нет. Её глаза были бы приятно светлыми, почти прозрачными, если бы не оттенок темнеющей в глубине воды. Этот оттенок сейчас при электрическом освещении особенно замечался, и гость не мог не признать, что в глазах Веды Львовны, по существу довольно милых, имеется нечто чуть ли не зловещее.

Наконец, владелица кота сказала, вернув глаза в надлежащее состояние, что они должны быть светлые. Невольно она ухватила прядь своих волос и обернула вокруг запястья.

– И в то же время, – добавила она, – такие суровые отчасти, будто бы замок, где людоед живёт. Темненькие. Понимаете, пан Глин?

Тот и на эту несусветицу кивнул вполне безмятежно. Он не был человеком, по крайней мере, в эту вот минуту. Деливший диванчик с хозяйкой, напоминал собою гигантского ящера без крыльев, каковые, согласно справочнику «Население Мира», угнездились с Прошлого Времени на далёком суверенном островке. Но так как Николай Яковлевич Панголин был само добродушие, его не пугались даже слабонервные (в посёлке, если честно, таких не было), а фамилию – боярскую, старинную – предавно шуточно переименовали, или, как невежливо выражалась другая хозяйка этого дома, пересобачили.

Конечно, Человеческое Начало в нём преобладало, но он так сжился со своим Первоначальным Обликом, что предпочитал его своему же человеческому. Заметим, что в посёлке Кропивник, как и всюду на побережье, и к этому относились лояльно. Разве что учителя местной государственной школы ворчали, что это – нехорошо, но их можно понять – в школе детишкам полагалось иметь человеческий облик, просто ради самодисциплины. Попробуй, научи их чему-нибудь, если они всё время отвлекаются. Самопревращение, произвольное, конечно, не наказывалось, но, иногда, всплыв, учитель, (с трудом удерживаясь, чтобы не зарычать или не зашипеть по-ящеричьи), мог осерчать не на шутку и тогда в дневничке ребёнка, рядом с портретами противных поющих морд и социальной рекламой, появлялась соответствующая запись.

– Я тебя понял. – Молвил пан Глин и приоткрыл удлиненную пасть, ошетилившуюся треугольными зубками. Это была улыбка.

С пола донёлся протяжный невежливый звук. Они взглянули на хамоватого кота, зевнувшего и показавшего такой же как, у пана Глина, набитый зубами ротик.

Взгляды их были снисходительны. Животных, как я уже говорила, любили в этом симпатичном посёлочке, любили, быть может, нежнее, чем во всём мире. В провинции умеют чувствовать, чтоб мне, говорит Надежда Наркиссовна.

Да, о животных. Их, не последовавших в своё время Новой Моде и постепенно утративших Право Выбора, считали существами, подлежащими защите, а иные зубоскалы пошлёпывали, что, судя по тому, как животинки отнеслись к Перемене, они-то и есть Носители Основной Памяти.

Сговорившись с Николаем Яковлевичем, хозяйка дала понять с помощью симпатичной улыбки, что не задерживает его. Пан Глин поднялся, деликатно приподняв над ворсистым пала-сом кончик мощного хвоста, и потрепал кота по хребтику. Тот сонно мявкнул, намекая, что всё слышит и не спит.

Она проводила гостя в прихожую и включила лампу. Стоваттовый свет сквозь розово-жёлтое стекло абажура в виде двух гроздей муската, самого распространенного сорта винограда в этих краях, на Юго-Западе Суры, оттенил буро-зелёную кожу Николая Яковлевича, и он сделался болотным, загадочным. Яростно промяукал звонок, они переглянулись. Веда поспешно распахнула одну за другой две двери – зимнюю и летнюю, ибо в посёлке у всех было по две двери, причём, поминалось, разумеется, некое Счастлиное Время, когда двери эти не запирались и днём, и ночью...

Прелестный сервал, огромный, но стройный, с тёмной бархатной шерстью, вступил в коридор и тотчас, вытянув лапу, звучно вылизал её.

– Адов хомяк! – Услышали Веда и гость резкий мелодичный голос. – Ни одного фонаря от поворота на Ореховку!.. чтоб ему тапочки ночью не найти. Ай-я!

Пан Глин потупился, чтобы не рассмеяться – сервал имел в виду ни кого иного, как самого мэра.

– Здравствуй, Николай. – Поздоровался сервал и поднялся, взгорбив спину: стало лучше видно, какой он захватывающе крупный.

Шерсть его блестела – каждая шерстинка была окружена сиянием.

– Не беспокойся, рыбка, я не промокла. – Обратился он к дочери, заботливо коснувшейся бледными пальцами лоснящейся холки.

Тем не менее, сервал встряхнулся, поставил дыбом великолепные уши, и огненные фосфоресцирующие брызги осыпали пуфик, обтянутый зелёным сукном, а заодно, и гостя с Ведой.

Пока брызги опадали, привлекательное и страшное тело хищника будто стёрли из воздуха, одновременно продолжая рисовать другой портрет. Тоненькая высокая женщина в каштановой шубке, усевшись на пуфик, носивший следы проявлений энергической природы кота, принялась весело стаскивать сапожки из тонкой кожи, продолжая низковатым голосом рассказывать о Службе – сегодня была предпраздничная – о погоде, о проклятом мэре, который так и полез первым к благословию, а батюшка еле слышно зарычал – впрочем, это, может, оттого, что опять о. Деметрий забыл очки в своём «пиратике»...

(Извольте заметить, что мэра в этих краях называют не иначе, как «головую» и не потому чтобы голова его была больше обычного. Скорее всего, жители Юго-Западного Побережья хотели этим сказать, что избранник их будет всему голова и распорядится всем лучше прочих. Но мы будем называть его мэром – по-столичному.)

– Так что мне самой расхотелось. – Заметила она, смеясь, по поводу благословения.

В некотором роде манеры у Надежды Наркиссовны были не лучше, чем у кота. Но так она хороша, так мила в этом своём венце коротких кудрей цвета спелого каштана, что Николай Яковлевич почитал себя польщённым, а не оскорблённым прилюдным сниманием сапог и шуточками насчет власть имущих, поставщиком коих (взять хоть бедного богатого голову, и, кстати, вовсе не хомяка) он являлся бессменно.

– Итак, во что нам обойдётся премудрость твоего папеньки? – Спросила Надежда Наркиссовна, вбрасывая сапоги в гардеробную, купленную у того же пана Глина, и пышно именуемую за чем-то «Заветный уголок».

Она обернулась через плечо, густые и жёсткие ресницы полуприкрыты, взгляд – остаточные эманации сервала.

Пан Глин, успевший так же из вежливости принять свой человеческий облик, торопливо, обдёргиваясь в костюме как ворона, промямлил, что об этом рано говорить.

– Когда вы, Надежда Наркиссовна, с Ведой Львовной сочтёте, что шкафы не вызывают нареканий... – Он помолчал. – Опять же, а вдруг на складе не будет того, что нужно.

– Всё у тебя есть. – Фамильярно оборвала Надежда Наркиссовна, пока он, вытянув коротенькие руки в лоснящихся нарукавниках, помогал ей сбросить шубку.

Она находила, что Первоначальный Облик мебельщика Коли удачнее. Слава четырём стихиям, мать Веды не была жестокосердна и никогда бы не позволила себе зря обидеть кого-нибудь. (Надеюсь, вы обратили внимание на одно коротенькое слово.)

– Ты вроде Золотой Собачки, которой поклоняются дикие кошки: её никто не видел, и сами кошки тоже, но она есть. – Прибавила она двусмысленную похвалу.

Обувая изящные ножки с узкими ступнями в босоножки из Синюхэчжоу, она бесцеремонно оглядела небольшого и ладного Пана Глина. Скуластенькое, как кислое яблочко, лицо его избличало, тем не менее, натуру, не страдающую свойством яблоневого дичка. Был он хитроват, но не подхалимничал. Не лгал никогда, любил анекдоты самого высокого качества и читал только классическую литературу.

Кроме того, он работал правительственным агентом. Так считали жители городка, хотя потребуй у них кто-нибудь доказательств, ничего кроме манеры полуящера изредка выпускать на тонкие губы улыбку, за которой не следовало никакого объяснения, они не смогли бы предъявить.

Перед тем, как уйти, Николай Яковлевич оглядел стены.

– Здесь бы можно картину... м-м-м. – Молвил он. – Повесить, это самое.

Веда вспомнила, что он ей когда-то говорил: «На истинной картине непременно должны быть Небеса, Лес и Водоём».

Николай Яковлевич чуть ли не застенчиво улыбнулся.

– Да... Водоём, это уж так, Ведушка.

Веда сложила ладони и потупила свои нехорошие глаза.

Когда визит был кончен, и обе двери захлопнулись за мебельщиком, Веда обнаружила, что Надежда Наркиссовна, блестя синими узкими глазами и размахивая полами пурпурно-золотого халата с меховыми опушками по воротнику и рукавам, скрылась в ванной.

Отличной ванной комнатой, ради которой в своё время перестроили всю квартиру, всегда хвасталась Надежда Наркиссовна, только расстраивалась, что до ужаса поцарапана эмаль.

Впрочем, расстройство это было несколько преувеличенного и декоративного, осмелюсь заметить, свойства. Скорее, имелось в виду, что отделанное розовым в корабликах кафелем до самого потолка, с необычно длинным ложем собственно ванны, это прозаическое помещение дорогого стоит, также как, сетуя, что у Веды Львовны зубы великоваты, она заставляла заметить тех, кто не заметил этого раньше, что зубы дочери в улыбке очень хороши.

– Зубная щётка вытерта до того, будто ею пользуется страшный зверь. – Со вздохом говорила НН.

В прихожей слышался приятный шум. Мамочка пустила набираться ванну и тут же выскочила ставить чайник. Так как вода предназначалась для дочери, то Веда Львовна без колебаний узурпировала это приватное помещение.

Вода была ниже комнатной температуры, но это не смутило храбрую Веду.

Надежда Наркиссовна заглянула, сначала деликатно прокричав:

«Ты без штанов, дорогая?» И тут же её тонкий силуэт показался за прозрачно-непрозрачной занавескою с нарисованными рыбками, водорослями и прочим.

– Я так и знала, что ты жаждешь пополоскать свою старую шкуру. – Ласково сказала Надежда Наркиссовна, бросив на раковину свежее полотенце, о котором, конечно, не позаботилась Веда.

За двигающимися от пара рыбками угадывалось смутное шевеление. Послышался странноватый лязгающий звук, а затем нечто вроде сдавленного негодующего смешка. Очевидно, это и был ответ на реплику Надежды Наркиссовны.

Потуже задвинув занавеску, чтобы вода не забрызгала пол, заботливая мама просочилась вон из ванной вместе с полоской банного туманца.

В прохладной прихожей она остановилась и, думая о чём-то постороннем, рассеянно прислушалась к тому, что происходит за дверью.

Там громко плескалась вытесняемая вода, и время от времени что-то ударяло с таким шумом, будто чем-то вроде невыкрученного белья колотили по бортику ванной.

...Занавеска чуть приотдвинулась. Семиметровая с великолепным плавником, чётким, как на уроке геометрии, тёмно-золотая акула почти неподвижно лежала в узком пространстве сразу сузившейся ванной. Хвост не помещался, несмотря на то, что эта впечатляющая купель была сделана на заказ. Рыба почти не шевелилась, тонкая струйка прохладной воды лилась на острую чешуйчатую плоть. Плакоидные страшные чешуйки тёрли бока ванной, сдирая эмаль.

Домик, в котором началась эта история, если применить к нему мерку человеческой жизни, был ещё не стар, а по законам собственного семейства, так и вовсе почти дитя. Тем не менее, он успел обзавестись своей историей и странностями.

Вообще, он выглядел забавным, под остроугольной крышей, с окошечком для домового. В укромных уголках его украшали колыбельки земляных ос, обновляемые каждое лето. Таким образом, осы вносили свой посильный вклад в обогащение интерьера.

Стены дома в своё время возвели из нераспространённого материала – ракушечника, и самые натуральные ракушечки иногда встречались гражданам во время ремонта. Зато в квартирах имелись балконы. (Они чем-то напоминали осиные колыбельки.)

Балкончик, принадлежавший семье удалившегося за Стену лётчика, располагался особенно удачно. С него виден почти весь посёлок, кроме северных скал и шоссе, уводящего взгляд прочь с такой скоростью, что водители машин невольно и невинно её нарушают.

Тот, кто шёл бы по улицам посёлка ночью, видел бы, как мелькают огоньки – и разобрать, где огоньки машин, а где обыкновенные, бродячие, с Болот, не представилось бы ему возможности.

Что же касается всех остальных сторон света, то на Востоке располагалась чуть наклонённая и наполненная в незапамятные времена гигантская чаша с морской водой, из неё выкапывался в назначенное время на небо Орс, сперва красный и большой, и, лишь спустя пару минут принимавший более традиционные размер и окраску.

Он, как и повелось, катился по небу к Западу, где среди мирных зелёных и коричневых, необыкновенно приятных холмов и находил вечернее упокоение. Бывало, и часто, что он принимался гнаться за бледной Бриджентис, ежели той припадала охота взойти на небо с утра раннего, или припоздниться с заходом в утренний предрассветный час, когда она повисала прямо в окне Вединой комнаты и была какая-то чуждая, и ближе, чем обычно. Казалось, что эта монументальная монета блёклого золота вот-вот вкатится в призывно распахнутое окно красавицы.

Старинная картинка в рамке на песочных обоях, изображающая бой двух чудовищ – косматого и чешуйчатого – в лучах Бриджентис выглядела новенькой, налакированной. Лохмач, в котором угадывался исполинский медведь, был смертельно ранен противником и умирал.

На следующее утро после посещения мебельщика было прохладно, розы крепко спали и не думали распускаться, в посёлке сильно пахло морем.

Мэр ещё почивал на кровати «Королевский уют», блаженно поджимая и распуская коготки на сладко натруженных лапках, а прочие горожане – кто ставил на конфорки джезвочки с холодной водой, кто уже пил этот волшебный напиток забвения – кофе – из излюбленных в посёлке двудонных бокальчиков, которые спустя семь с лишком тысячелетий после известных событий в Атлантиде и почти двадцать после описываемых здесь, как я предполагаю, воспоёт красивый и добрый старик, лучший из романистов.

Весь великий материк Гиперборея в этот час пробуждался и ждал, когда вторая Гостья, маленькая Сестричка Бриджентис появится из блестящих облаков, густо роившихся в тысяче километрах над поверхностью металки, и всегда сопровождавших восход этого забавного небесного тела, не имевшего названия.

Ведьма не может умереть

Ведьма не может умереть, пока не найдёт себе замену.

Ведьма умирала. Она изо всех сил звала, но ответа не было. Она не выглядела старой, не выглядела и молодой. Волосы её так были белы, что никто – и сама Бриджентис не определила бы, пожалуй, – результатом чего явилась эта белизна – неуёмного применения некачественных косметических средств или же то был естественный ведьмин цвет.

Гладкая бледная кожа туго обтягивала худое лицо, над грубоватыми скулами маленькие раскосые глаза слабо светили ей к ночи и меркли перед рассветом. Свет их был какой-то скользкий, будто из множества огонечков.

Когда Орс заглядывал в них – а они ему нравились, ведьма любила смотреть на него в упор – были эти глаза лилово-синие, как у ерша, с толстыми, как проволока, редкими густо чёрными ресницами.

Она носила неизменно узкое платье из серого сукна, но под ним плоть истончилась и, храня очертания хорошей женской фигуры, сделалась разреженной, как пляшущие частицы света, называемые почему-то Орсовым Зайчиком.

Походка ведьмы была когда-то энергичной, но теперь она предпочитала замедленно, не шевелясь, плыть над самой землёй или галькой пляжа, возле которого она обосновалась так давно, что и сама бы не сразу определилась с датой из человеческого календаря.

Едва касаясь холмистой поверхности каблуками, к коим она сохранила пристрастие, ведьма могла передвигаться довольно энергично. Словом – удобство. Но людей почему-то охватывал ужас при виде плывущей к ним неподвижной фигуры, и она вменила себе в неприятную обязанность имитировать человеческий шаг. Стройные колени поднимали серую ткань высоко, так что общее впечатление оставалось, как от движущейся статуи.

Сейчас она и вывинтилась головой вперёд из скальной породы – недурного каменного ломтя, оставшегося от большой горы. Белые волосы, которым придать оттенок не в силах был даже Орс, не колыхались от морского ветерка. Она выросла в полный рост из осыпавшегося клочка земли, посреди смешно вспучившихся участков дёрна, и, благо никого кругом не было, обычным своим шагом направилась вниз по серо-зелёному склону к берегу. Пенная кайма лежала на выглаженном шёлковом песке почти неподвижно. Море сочувственно заволновалось при виде приближающейся фигуры, и тихие волны нежно лизали бережок у ног ведьмы, обутих в налюбимейшие остроносые туфли.

Никто не шёл.

– Я должна. – Сказала ведьма морю.

(Разумелось, что она должна потерпеть, хотя терпению её давно пришёл конец.)

Море закивало, и страшно далеко качнуло крошечный беленький парус. Барашек, выплывший из-под округлой, синей волны, взявшейся неизвестно откуда посреди сонной глади послеполудня, запрыгал к ведьме. Ведьма слабо улыбнулась этому знаку приветия.

Каждый выполняет долг. Она мечтала, подставляя ещё не разреженное, а вполне человеческое бледное лицо под хмурый свет Орса, что скоро замена найдётся и она улетит болотным огоньком в неизвестную местность, знакомую ей по снам после полуночи, самым достоверным снам.

Ежли повезёт и никто Не Загадает Желание, пока огонёк летит по небу, ведьма сможет навсегда остаться на болоте. Доколе не истает упругое сине-зеленое тельце огонька, и его, успокоенного, почти невидимого, не всосёт в себя жгучий ночной ветерок.

– Как чудесно.

Море плыло к ней, выпуская изредка маленьких барашков, говорило с ней, но, конечно, утешить не могло. Пока никто не стремится к ней, никого не влечёт непреодолимый зов.

Пряди волос под хмурым светом напоминали морю зимнюю Бриджентис. Как изваянные, лежали они на прямых плечах, самые длинные спускались по спине к полоске чёрного муслина, служившего поясом и повязанного весьма небрежно, так что он охватывал серое платье выше и ниже талии.

Мысли ведьмы не касались её самой, настолько она утомилась. Теперь если она и принималась за утомительное дело размышлений, то думала только об окружающих предметах.

Окружающие предметы были – холмы, море и небо. Ботинки ведьмы, чёрные, начищенные и потёртые, удерживали все видимые окрестности от горизонта до горизонта. Но ей казалось, что она летит, очертя голову, стоя на громадном шаре. Высокие, в октаву, каблуки тонули в мокром песке, но песчинки отползали в стороны, и вокруг каблуков образовались две песчаные воронки.

На всей планете сегодня четыре мощные плиты литосферы поддерживают недурные ломти почвы, пастбищ, каменистых пустошей, дюн и городских улиц, отлакированных асфальтом.

Эти четыре поплавка издавна принято называть – Гиперборея, Джамбудвипа, Годанья и Синюхэчжоу. (Есть и кое-что ещё, так – несуразица, но это нам сейчас без надобности.)

На севере лежит гигантская Гиперборея, похожая на растолстевшие песочные часы.

Синюхэчжоу, Джамбудвипа и Годанья расположены соответственно – на Востоке, Юге и Западе. На каждый материк, кроме Годаньи, приходится по одной стране.

Сурья занимает всю Гиперборею, исключая некоторые области Крайнего Севера, на которые претендует Годанья, мечтающая хранить там своё оружие. Она объясняет, что ей негде больше его хранить.

Жители Сурьи не гордятся тем, что их страна самая большая на планете. Они только напоминают об этом каждый день в газетной передовице.

Они гордятся тремя вещами – своей литературой, кинематографом и достижениями в области космоса. По правде говоря, литература у них и, впрямь, недурна. Так уж получилось, и это все признают.

На планете давно уже нет никаких литературных премий, чтобы не обижать писателей с прочих материков. Кино они снимают тоже просто чудесное – совсем как живое.

Сурийцы первыми поднялись в открытый космос и высадились на поверхности Бриджентис. К сожалению, с тех пор они совершенно забросили космическую программу и увлеклись социальными преобразованиями.

Хороши ли были эти преобразования, можно судить по состоянию писем в почтовом ящике. Раньше их могли читать только те, кому они адресованы, если не считать случаев ревности и бытовой слежки.

Теперь эти письма могут читать очень многие, например, господа из подземной службы, и даже не только читать, но и отвечать вместо адресата – причём, лично, – на те вопросы, которые возникли у автора послания.

С законом у них тоже что-то сделалось. Раньше они каждые семь лет выбирали нового властителя, теперь властителя так часто выбирать не приходится – и вообще, он не доставляет больших хлопот. Если не считать того, что его, в конце концов, приходится аккуратно выносить из помещения, чтобы не задеть ногами фотографии предшественников на стене.

У Сурийцев нет общих расовых признаков. В Сурье живут люди всех цветов – от чёрного, как священный эбен, до белого, как молоко кошачье, учитывая все мыслимые комбинации оттенков. Черты лица тоже у всех разные. Единственное, что досталось им в общее наследство непонятно от кого, это диковатое выражение глаз, смелое и трусоватое одновременно.

Воевать Сурийцы умеют только, когда на них нападут, но тогда воюют очень хорошо, побеждают и проявляют великодушие к проигравшим. Но когда Сурийцы ввязываются

в захватнические войны, дело швах. Они терпят поражение за поражением, и не могут захватить даже самую маленькую страну в Годанье.

Кроме того, многим Сурийцам делается так стыдно, что они грабили и убивали, что их потомки потом мучаются целыми столетиями от страшных снов.

В Синюхэжжоу умеют делать всё на свете, но делают очень быстро, слишком быстро. Иногда так быстро, что эти вещи перестают работать, до того, как их сделают, но тогда жители Синюхэжжоу продают их другим материкам, и делают это тоже очень быстро. Это, впрочем, пустяки, так как именно жители Синюхэжжоу первыми сделали самые нужные вещи на планете и сразу сделали их очень хорошо.

Им принадлежат самые выдающиеся открытия, в том числе, и касающиеся государственного правления. Ещё тогда, когда обитатели всех остальных трёх материков скитались дикими стаями по просторам своих будущих государств, а у некоторых ещё были превосходные пушистые хвосты, в Синюхэжжоу уже хорошо знали, что такое бирка на арест, или папка с документами.

Это исключительно талантливые люди. Они как будто позолоченные, ловкие и стройные. Когда-то они тоже очень хорошо писали книги, и эти книги до сих пор ценятся чрезвычайно высоко.

Например, знаменитую историю про путешествие на Запад на всех материках переиздают каждый год с новыми иллюстрациями, а имя автора без запинки произносит любой корабельщик, не говоря уж о книжниках.

Теперь, поскольку литература дело некороткое, они перестали заниматься ею. В мире об этом сожалеют.

Джамбудвипа – страна, в которой жарко, но люди в ней не потеют так сильно, как, например, на футбольном матче где-нибудь в Годанье или в том посёлке на побережье Сурьи, о котором идёт речь в настоящем повествовании.

На илистых берегах ленивых рек Джамбудвипы живут люди с огромными чёрными глазами. По общему признанию, джамбудвипцы самые красивые, самые воспитанные и приятные люди на планете. Они создают для общего пользования всю философию. Этак повелось издревле, и другие страны не утруждают себя созданием своей – и, в самом деле, зачем делать то, что уже сделано, и намного качественнее? Все три материка оптом приобретают философию Джамбудвипы, и никто ещё не жаловался и не отсылал её обратно. Ещё они владеют искусством внушать любовь, и мечта каждой девушки побывать на этом гостеприимном материке.

Годанья состоит из множества стран, у каждой из которых есть свои достоинства и недостатки. Эти страны постоянно ссорятся между собой. Иногда какой-нибудь властитель одной из маленьких стран Годаньи решает завоевать всю планету и у него почти получается. Сурийцев они терпеть не могут, но ежели быть совсем честными, то к Сурье хорошо относится только Джамбудвипа, потому что её жители вообще не могут кого-нибудь ненавидеть. Иногда ненависть к Сурье доходит до того, что эти страны перестают ссориться и некоторое время горячо любят друг друга и хранят друг у друга своё оружие.

Сурийцы, по общему же признанию, самые невыносимые в космосе люди. Больше всего на эту тему любят рассуждать они сами и при этом почему-то умиляются.

«Сурья слишком большая. Сурийцы либо холерики, либо кататоники. Территория или набита людьми, как рыбками в прорубке, или пустынна, как Бриджентис. Странная страна. Полно, существует ли она?»

(Из блестящего эссе критика из Годаньи, недавно издавшего за свой счёт книжечку стихов с красивой голенькой статуей на обложке сзади.) Эссе называлось «Бедный критик». Почему – непонятно.

В Годанье, как по заказу, рождаются самые лучшие живописцы и музыканты на планете, в каждой стране они особенные. Поэтому критику вовсе не грозит умереть с голоду и даже

неясно, зачем критиковать Сурийцев, когда он мог бы безбедно прожить, объясняя, как правильно восхищаться картинами и симфониями своих соотечественников.

Тем не менее, он предпочёл таскать в зубах Сурийцев. Кому что нравится. Он даже сравнил эту страну с Гоморрой.

Упоминания о Гоморре иногда встречаются в очень старых текстах и в остаточной форме присутствуют в виде поговорок в речи всех четырёх материков.

Вот, например, первое упоминание о Гоморре в моём повествовании.

Надежда Наркиссовна сказала Веде, когда та вышла из ванной:

– Пока ты отстирываешь свой хвост, можно пойти в Гоморру и вернуться.

Веда не обратила внимания на этот укол. Во-первых, она не слишком внимательна к чувствам других людей, а во-вторых, это только речевой оборот, обозначающий нечто неосуществимое.

Многие люди уверены, что Гоморры нет вообще.

Доказать это или опровергнуть не представляется возможным.

Когда создавался этот мир, были сделаны кое-какие записи. Позднее они были растеряны, так как больше не представляли ценности в силу своей разрозненности и чрезмерной краткости. Часть из них, содержащая какие-то обещания и договоры, очевидно, утратившие силу, всё же заключала некоторый интерес, чисто технический, для написания научных трудов узкоспециального содержания.

Основным смыслом этих обрывков было Ожидание – чего-то или кого-то, могущего изменить существующий порядок на более правильный.

Теперь мне придётся покинуть ведьму с её каблуками и обратиться к событиям, происшедшим на том же побережье Сурьи, где на втором этаже одного из домов жила Веда, и над которым на неподвластной мыслям высоте произошло в то утро, в одиннадцать, убийство Севера.

Но так как время – досадная помеха материи, именно оно мешает мне рассказывать ровно да гладко. Словом, мне придётся перелистать свои записи и найти ту, которая помечена гораздо более поздней датой.

Дедушка и внук

Церковный двор в полдень за оградой был очень тих. Служба ожидалась через несколько часов. Прихожане сидели на каменном горячем парапете над морем и ждали. Оливковый маленький автомобиль вылетел на шоссе, и они оживились. У ограды машина строптиво поёрзала и встала, как ослик.

Батюшка вылез из машины, в серой бобке и чёрных мешковатых штанах. Открыл ворота, полез в машину и въехал, вылез, толстоватый, с курчавой, уже сильно посолённой копной над воротником, и энергично закрыл ворота. Матушка, крупная красивая женщина, его сверстница, в платке, из-под которого лезли на лоб и щёки кольца рыжих волос, вышла со свёрнутой одеждой для служения, которую она, обнимая, держала в обеих руках. На руках её светились совершенно золотые веснушки.

Батюшку тотчас обступили, оттеснили от матушки, и ему пришлось немедленно благословлять. Он посмеивался. Затем почти пробежал в прохладную тёмную глубину в мерцающих огоньках за алтарь. С треском закрылся за какой-то таинственной дверью. Матушка, чьи веснушки погасли в полумраке, прошла следом с сумкой и остановилась в уголке розового и зелёного блеска.

Мэр, топоча лапочками, нёсся, тараща умные глаза, по улочкам посёлка. В человеческом облике он предпочитал, по причине некоторой полноты, авто. Недавно он пожертвовал на церковь двадцать семь тысяч, и торопился на праздник, не за тем, конечно, чтобы воочию убедиться, что на эти деньги куплена именно та дивная люстра, которую он давно рассмотрел в столице в антикварном магазине и о которой буквально прожужжал уши батюшке с матушкой. Обещалка мэра, кстати, не советовала употреблять слов вроде «**ВООЧИЮ**», объясняя мэру в нежных всплывающих подсказках, что слово это имеет устарелый, вроде как в тех обрывках о сотворении мира, характер, посему разумней сказать «лично», «сам». Ну, вот и бежал мэр лично, сам поприсутствовать на древнем празднике, введённом в Сурье ещё до того, как часть её территории перешла на режим Складчины, а, возможно, и до Метеорита.

Чертенятки – маленькие, хорошенькие, вроде кипарисных мартовских шишечек – уже всюсю суетились возле церковного крыльца. Они осмеливались залезать даже на нижние перекладки ограды. Нет, малыши понимали прекрасно, что дальше их не пустят, просто не могли устоять перед искушением – невероятно смешное делалось что-то с их пушистой шкуркой. Несильный разряд, вроде электрического, пронизывал их до самых хвостиков. Разумеется, ничего более серьёзного им за нарушение дисциплины не грозило – уж больно малы.

Черти постарше в такие дни даже не показывались возле церкви. Только один толстый рогатый старик с большим мохнатым животом мог позволить себе постоять за кипарисами над морским обрывом и краем припухшего глаза иронически поглядывать за левое плечо. По правде говоря, он мог позволить себе и больше – старость почитают в Сурье. Даже в песне поётся: «Старикам везде у нас почёт». Опять же, не все поощряют ноне старые песни, хотя на смысл никто, помнится, не покушался.

Толстяк даже мог издали шапочно и тоже неуловимо иронически раскланяться с уборщиком прицерковной территории. Ирония, заметим, была обоюдной. Мало кто знал, (а в посёлке, полагаю, не знал никто), что уборщиком служит человек некогда известный... очень даже известный.

Считалось, что он вроде как пропал после того, как общественность установила один не то, чтобы неприглядный факт из его биографии, просто после установления сего факта порядочный человек должен был бы каким-то образом и с помощью избранных методов позаботиться о том, чтобы поскорее перейти в миры иные, нам мало известные. То бишь, в просто-

речии выражаясь, накинуть галстук, прижмуриться, сделать дырочку, иначе говоря, удалиться, ещё же проще – удавиться, застрелиться или ещё как-то сократить дни свои, дабы не покрыться позором в глазах окружающих.

Уборщик (то есть, тогда-то он уборщиком не был) не счёл приемлемым соблюсти приличия. (Он вообще был человек бойкий и не склонный к различного рода колебаниям, это было известно по всей канве его жизни и ежели ему предлагали что, он брал, а то и не предлагали – а он тоже брал, если, конечно, никого поблизости не было.) Речь, помилуйте, не о воровстве... Орс упаси. Ну, да это совсем другая история и ни к чему сейчас отвлекаться.

Так вот, рогатый старичок здоровался, соблюдая приличия, и наш уборщик – тоже, и тоже почтенный, хотя, несомненно, более благообразный. Он и в миру, до исчезновения считался красавцем писанным, что, впрочем, не довольно большая редкость среди людей его первоначальной профессии – так вот, наш уборщик кивнул чёрту, щуря глаз и покуривая. Стал-быть, он стал более чувствительным к приличиям? Должно быть.

Метла его давным-давно была прибрана в специальное помещенье назади церковных служб и магазинчика, где продавались умные книги и священные изображения. Сам он, выполнивший свою работу, мог мирно посидеть на парапетике – к морю он никогда не подходил, считая – он даже высказался на сей счёт – его слишком спокойным, лужа, да и только. То ли дело – река. Река движется, унося очень быстро и предметы, и растворяя жидкости, и паруса скоро гаснут за излучиной.

Итак, старцы обменялись кивками, и рогатый, опершись острым волосатым локтем на бут низкой стены над морем и поглядывая на чудный свет, расстилавшийся над блёклой водой, краем глаза косился на малышей, всё веселей атакующих витую церковную ограду. Это объяснялось тем, что народу всё прибавлялось, близилось время службы. Крохи с противным визгом кидались, оттопыря хвостатые задки, на завитки ограды и с обморочным писком отлетали прочь, как гуттаперчевые.

Вреда деткам никакого, ограде тоже, и всё же старый бес, повинуюсь помянутым правилам приличия, будь они неладны, изредка покрикивал на поросят. Собственно, это и есть, так сказать, приличный повод гулять по набережной и любоваться закатом над морем.

Что может быть прекраснее деда, старого мудрого существа, исполняющего свои извечные дедовские обязанности? Что слаще этих окриков жизни пожившей – маленьким неумным жизням, готовым на любую опрометчивость? Ему же только и надо – погулять, неспешно цокая заскорузлыми сбитыми копытами по своему потаённому маршруту – вдоль обрыва над морем, мимо белого с золотом и лазурью здания со знаком Орса, под чёрной густой и сладкой сенью восхитительных деревьев – кипарисов. Полно, да деревья ли они? Думал иногда рогач и благодушно строил предположения о происхождении этих вечных дуэлянтов, красавиц горянок с гордыми головками, укутанными в непрозрачные покрывала.

Земной его ровесник следил небольшими зоркими глазами в жёстких ободках чёрных ресниц, за чертятками и рта, тонкого, твёрдого, не раскрывал. Он вообще теперь мало говорил. Он и раньше говорил немного. Друзья и почитатели полагали, что это свидетельство его глубокой мудрости, враги и клеветники – что он «боится проговориться». По их мнению, тайна, которую он носил при себе, как преступный солдат носит ужасный трофей, настолько угнетала этого человека, что из-под красивых светлых усов его всякую минуту могло вырваться истерическое признание – знай, послеживай, не пропусти.

Некоторые думали уже, что он выдумка и его не было никогда.

Но заблуждались те, кто так думал. Он был. Вот он, вот он – сидит на парапетике в прибрежном городке на южной границе Суры, сидит и смотрит на чертенят-младенцев, по детской невинности греха егозящих в преддверии хорошей старой церкви, где на клиросе пахнет ладаном и волной морской, сидит – и не думает ни в чём признаваться.

Несомненно, кто-то из гадёнышей давно себе придумал и держит в своей шишкастой головёночке мыслишку, как бы проехать «туда» на платье кого-либо из прихожан либо прихожанок.

Уборщик прикрутил в смолистых пальцах, искривлённых из-за многописания в своё время, когда обещалки были грубы и просты, очень дешёвую сигарету и, с удовольствием прикусив в белых славных зубах крупиночку горчайшего табачку, так и увидел – эге, вот у этого, покрупнее прочих, с припухлостями рожек, с поджарым задком – так и дрожит внутри эта мыслишка, ну, совсем, как бедолажкин хвостик.

Пока уборщик наблюдал за малышом, за ним самим наблюдали со здоровенной ветки вековой сосны, одетой в великолепную блестящую шубу и расположенной шагах в десяти от церковного двора выше по трассе.

Уборщик поднялся с парапета, отряхнул одежду – старенькую и похожую на военную форму выдуманного или забытого государства. Он огляделся – люди стояли кругом с разнообразным хлебом, один молодой муж открывал бутылку местного, но ценимого даже в столице Сурьи, далеко отсюда, вина... Винтообразно срезав утренний свет Орса, засиял штопор. Сегодня праздник, люди хотят, чтобы батюшка благословил их еду и питьё. Среди них чёрными запятыми встречали чертятки, гармонично деля на неравные доли мир и благодать частных оборотов мужнина бормотания и повелительного наклонения жён.

Мелькнул молодой человек – наследник обувного магазина, строгий и спокойный.

Шум возник и прокатился оранжевым шариком: по улице из городского нутра появился сам мэр! Он был с присными и со чады и домочадцы своего многочисленного клана. (Они настигли его у Южной калитки Парка – нежное клекотанье жены вкупе с резкими порывками детей.)

Мэр цепко и в то же время смущённо, задирая взгляд, но не голову, посмотрел на церковь, плавающую в волнах Орса, осиявшего свой знак на крыше. Голова и вообще отличался деликатностью. Ежели он читает что-то возвышенное и при этом от волнения почешется, то непременно укорит себя, заволнуется и перестанет вовсе читать.

И суверен он был! Если в книге делается что-то нехорошее, сейчас мелко делает Орсов знак, и ну шептать в нос себе, стучать тут же по книге, да ещё и глянет на пол, будто чужое несчастье положит и примолвит непременно, да не про себя, а вполголоса:

– Я тут подмету... Я пылесосом...

Когда мэр что-нибудь записывал постороннее, не вменённое ему, то обязательно при этом держал наготове любые бумаги с грифом и гербом посёлка, что бы, ежели кто, сейчас и прикрыть. Чувствовалось в мэре какое-то целомудрие, заставлявшее его смущаться своего сочинительства.

О, да, непрост мэр. Иногда его так окутывало благоговением перед чудесами мира, что это выливалось в форму наблюдений – за птичками, например, или за облачком интересной формы (о том, что другие занимались такими наблюдениями он и не слыхивал – был, и вправду, в некотором роде целомудрен).

Возможно, мэр стеснялся несерьёзности своего занятия? Каков он вообще? Большой (в ширину), приземистый, с круглой головой и носил строгие галстуки, очень дорогие, которые ему по каталогу выписывала супруга. (Он в магазине иногда заглядывал ей через плечо и с огромным одобрением смотрел на тот галстук, в который упирался её выпуклый розовый коготь. Но ни слова, конечно, он не говорил в поддержку или в отрицание галстука и, спустя время, находил его у себя лежащим на подушке, среди прочего, приготовленного для одевания.)

Перед церковной оградой, ковка коей многократно повторяла условное обозначение Орса, он принял человеческий облик. Тотчас заботливо принагнулся.

Люди, теснившиеся по каменным обочинам улицы поняли – голова беспокоился о помощнике своём. Тот, имея облик червячка (к слову, уважаемый более прочих в посёлке, ибо дождевой червь – существо, вообще, заслуженное, а полугорные почвы окрест нуждались тогда, когда разворачивались события нашего повествования, как и сейчас, в любовном рыхлении), так вот, помощник мэра заметно торопился вслед за патроном. Наконец, он повернулся на недурном, сменённом год назад асфальте (отыскивали стараниями этого вот помощника отличную бригаду непьющих укладчиков) всем маленьким тельцем и, подняв кверху головочку, встал во весь рост. Несколько вихлястый человек лет сорока в прекрасном костюме, он покашлял и поздоровался с мэром. Так уж принято – принял человеческую форму, поздоровайся по второму кругу, от избытка вежливости никому ещё худа не сделалось.

Наблюдатели (те, кто следили с дерева за приготовлениями к службе) переглянулись: возле плеча мэра телепался незнакомый большинству, похожий на кролика без миловидности этого зверька, мужчина с непрестанно улыбающимся ртом и вихром над низким, поделённым надвое чертою, лбом.

Отношения между наблюдателями на дереве, вероятно, были коротки, так как на ветке последовал тычок, к прискорбию заметим, едва не сваливший одного из них. Причём, тот, кто пострадал, имел куда более крепкое сложение.

Чертяток обосновавшиеся на ветке, конечно, не видели, то есть пятнышки неубедительные рябили перед глазами, но что малыш подобрался к самому сюртучку мэра – нет, тоже не видели, но отметили, что уборщик смотрит куда-то с неуловимым выражением любопытства.

Человека же с кроличьей челюстью узнали они тотчас. Он был ни много, ни мало посол из Годаньи – или, как говорили в этой части Сурии, амбассадор.

Зачем бы ему присутствовать на этническом празднике в скромном посёлке на берегу провинциального моря, вот вопрос.

В те годы, про которые рассказываю вам я, часть территории отпала от основной литосферы материка, не буквально, но будто бы сделавшись совсем отдельной страной, ну, точно в Годанье.

И хотя все знали, что это, выражаясь цирковым языком, пшик, кунштюк, связанный с особенностями национального характера Сурийцев, которому чуждо постоянство, всё же Годанья поверила непостоянным этим людям и сочла их мятежниками против «тысячелетней власти сурийской тьмы» (так писали иные годанские газеты).

Так-то вот и получилось, что Годанья принялась посылать сюда, на Юго-Западное побережье Сурии своих амбассадоров и учить Юго-Западных Сурийцев, как лучше им жить и рассказывать про новую, удивительную систему просвещения.

Многие в самой Годанье (которая, как вы помните, состояла из множества стран) указывали прожектёрам, что уже бывало в Сурии такое и что, как ни попишешь, именно при власти вечной тьмы произошёл Великий Полёт Человечества и Высадка На Бриджентис, да и книг, пожалуй, лучше никто во всю историю не писывал, и киношек не снимал.

Но газеты, подобным образом толковавшие характер сурийцев, вызвали нарекания и были сурово отчитаны... Что до Сурийцев, то эти-то, и впрямь, до ужаса непостоянны – только, знай себе, прожил Суриец лет этак с пять тысяч в священных рощах своих полуостровов и на своих низеньких, хотя и бескрайних, возвышенностях, как бац! – подавай ему манифест о правах (какие, к лешему, в лесах манифесты?), да и отмену черты осёдлости в придачу, не говоря уже о поголовном высшем образовании. Но да это к делу не относится, во всяком случае, напрямую.

Словом, годанские мудрецы отправили в Юго-Западную Сурию в подкрепление к новому типу просвещения свои танки с полным прибором из трёх танкистов каждый, дабы те поучили

Сурийцев правильно воевать, и (заодно) слегка поугадили Гиперборею, которая захотела бы отстоять мятежные территории.

Но Гиперборея не возжелала этого (если честно, такие отпадения происходили во всю историю её чуть ли не каждую тысячу лет, но более молодая геологически и порывистая по характеру Годанья просто-таки не помнила и не могла этого помнить!) – и посему Гиперборея оставила всё, как есть...

Ах, до чего ленивы, гультаисты были гиперборейцы!

Тем временем, амбассадоры Годаньи обучали мятежных мэров новой жизни и проводили военные учения на дивных берегах отпавшей части Сурии. Одно из таких учений предполагалось провести недели три спустя, на окраине одного из посёлков, несколько более болезненно воспринимавшего преобразования Годаньи.

Но то, что произошло три недели спустя, не может пока нас занимать, ибо мы и так забежали вперёд на три месяца, а забеганье вперёд чревато всякими глупостями.

Тут раздался басистый «ох» и одновременно истошный тоненький вопль – проклятый чертёнок-большачок забрался-таки на соблазнительно отставленную фалду мэрского сюртука и проехал на ней во дворик Орсова храма. Его немедленно, разумеется, вынесло страшною силой – какой-то прозрачной полосой... (Окружающие увидели только странный порыв ветра, если ветер можно видеть).

Дедушка чёрт (это он охал) помчался, отчаянно скрипя коленными суставами, и, подхватив полубесчувственного внучонка, с упреком посмотрел на уборщика. Тот на укоризненный взгляд ответил ничего не выражающим... ясные глаза его не имели глубины.

Все вошли в церковь. Только некоторые обратили внимание, что мэр несколько раз отряхнул свой сюртучок и неловко посмотрел вбок, за кругленькое плечо себе.

Батюшка никогда не пел, а говорил быстро и таинственно (в смысле, большая часть сказанного оставалась тайной, и, поверьте, в этом было что-то привлекательное), а, сказавши, громко и внезапно пропевал одно слово, засим немного кашлял и снова переходил на скороговорку.

Звучало так:

– Бу-бу-бу бу-бу... А-м-ее-нн... Ках-ках. Ках. Бу-бу-бу... и пр.

К Оле, в лавочку, за выступом стены подошла служительница и в чём-то горячо и спешно убеждала её. Кроткая Оля, никогда и ни с кем не спорившая, на сей раз оказалась неуступчивой. Она не отдавала служительнице большую жёлтую книгу. Служительница ещё потопталась, поправила платочек, с досадой посмотрела на олин нежный пробор и на её кротко склонённый высокий лоб и опрометью свистнула в придел. Вернулась она скоро, батюшка ещё не успел дойти до очередного кашля, как её юбки заметались у прилавка. Она что-то пылко сказала Оле. Окружающие смогли расслышать только торжествующее:

– ...мужского хора. Тотчас...

Оля, не глядя, подала ей книгу, сказав:

– Чтоб благословил.

Служительница шмыгнула под иконой, пригнув платочек, и появилась ещё быстрее, чем в первый раз. Она крепко прижимала книгу к жёлтой футболке.

Оля медленно подняла засмысленные глаза.

– Благословил? – Раздельно спросила она, указуя на книгу.

– Матушка благословила. – Ответила та.

Оля строго сказала:

– Матушка – при батюшке. А батюшка – на работе.

Служительница раздула ноздри.

– Матушка благословила. – Повторила она.

Оля на это сказала только:

– Дай.

Служительница с досадой цокнула, испугалась и посмотрела на полустёртое изображение святого служителя Орсова, особо почитаемого на приморье. Святой хмурил лоб, сердился, и та смутилась. Она пискнула:

– Но... – и смылась.

Оля раскладывала под стеклом серебряные Орсовы знаки, уменьшенные противу того, что на крыше в многое число раз. Она подняла лицо и мельком глянула в ту сторону, где кипели цветные огоньки свечей.

– Бу-бу. А-а... Ках-ках. М-м?

(Ох, как стало тихо.) Кто не знает внезапной тишины старых церквей, тот не знает ничего.

О такой тишине мечтает лишь тот, кто на драконовом хребте летал над грохочущим полем, где только что бесславно закончилась какая-нибудь нехорошая битва.

Служительница, не доходя трёх мужских шагов до Олиного стеклышка, ехидно проблеяла:

– Благословил-с.

Оля кивнула белеющим в полутьме лбом. В ту же минуту на дереве, где сидели наблюдатели, и шёл бурный меж ними разговор, произошло движение, но к нему мы вернёмся три месяца спустя.

Автор и признание

– Куски реальности. Это всё, что они могут вообразить. – С печалью сказал старый Дьявол, грузно оборачиваясь в кресле. – Скажем, ну скажем, примять, как следует сигарету, чтобы не воспоследовало пожара. Они могут вообразить пожар. Но им кажется также, что они любят находиться вблизи огня. Свободу они тоже любят.

В то утро он был настроен на меланхолический лад и много говорил об Ожидании, машинально оглаживая маленькие пёрышки отогнутого спинкой кресла крыла.

– Сам-то я доживу... но мне жалко их всех.

– Разве то, что мы осуществили, не исключает Ожидания? – Осторожно спросил ординарец, почтительно стоявший супротив стола.

– Кто знает. – Грустя, отвечал начальник. – Я ведь только борец за дело справедливости. Вернуть осиротевшие земли, где нам, печальникам, принадлежит лишь одна-единственная дыра в холме – разве даже мечта об этом не даёт смысла всей моей жизни? Но если кто-то из наших милых маленьких узурпаторов тоже воспылает огнём идеи, события могут принять иной оборот.

– Они не знают, чего Ждут. – Кротко заметил ординарец. – И все их разговоры на этот счёт полны противоречий и всякой ерунды. Для них погибнуть этим летом будет легко и просто. Как если бы они и не рождались.

В кресле, похоже, его не слушали. Раздался скрип, вроде того, что нарушил три месяца назад тишину последнего свидания Севера. Этот звук развернул мысль нахохлившегося старика.

– И этот славный солдатик, в глубине своей простой души прозревавший, кого или что следует ожидать, умер напрасно.

Последовал глубокий вздох, завершившийся глухим кашляющим звуком, в котором совершенно потонул сдержанный смешок ординарца. Стройный, он стоял и думал, что старому негодяю следовало бы пригласить его сесть.

– Приходилось ли вам, любезный, – не поднимая косматых глаз, молвил вздыхавший, – играть в детстве осколками стекла?

Он собрал перстью пальцы с когтями.

– Орсов луч блуждает в его глубине и вдруг ослепительно сходится, зажигаясь, будто сам Орс тут у вас, в ваших пальцах.

Молодой военный раздражился ещё сильнее и натужно повёл низкими бровями.

– Вот это то, что называется Концом Ожидания. – Просто сказал Дьявол, укладывая ослабевшую лапу на бумаги так небрежно, что смял верхнюю.

– Это вконец собьёт их с толку. – Не удержавшись, пробормотал офицер.

Дьявол глянул на него исподлобья, не утруждая себя иронией.

– Конечно.

– Вторжение автора. – Еле слышно молвил офицер.

– Верно, в конце представления. – Раздумчиво молвил бес. – Но... – Протянул он. – Полагаю, что автор будет скромн... вначале, как и подобает автору, не получившему пока широкого признания.

Офицер разрешил себе хохотнуть.

– В чём дело, дитя моё? – Спросил начальник.

Офицер смех оборвал и выпрямился.

– Не видали скромного автора? – Добродушно просипел бес, играя кончиком бороды.

– Не-а.

Дьявол полюбовался глупым мальчиком и вздрогнул из-за набежавших мыслей – кончик бороды шевельнулся.

– Исключение, милый. ИСКЛЮЧЕНИЕ. Этот – скромн и зловеще скромн. Он готов быть оплётанным и даже не сморгнёт, ежели в его рукопись завернут рыбу. Фигурально выражаясь, такой может рассчитывать лишь на венок из терновых веток.

Офицер поморщился, машинально закатив мутные умные глаза под заросший, гладко расчёсанный лоб.

Медведь

Увы, моя хроника страдает от того, что документы в моей памяти безбожно перепутались, как бумаги на столе Дьявола. Пожалуй, я продолжу с той верхней бумаги, которую тот примял своим локтем.

Визит мебельщика состоялся ровно месяц назад, а сегодня был день, когда зима встречается с весной. Веда натянула на свои не слишком длинные, но удивительно нежные и тонкие пальцы перчатки из коричневого эластичного бархата с пушистой опушкой из разлетающихся невесомых нитей. Пальцы, скрывшиеся под бархатом, имели некоторую едва приметную кривизну на среднем (палец Судьбы). То была жертва на алтарь профессии – в то лето, когда первый роман заставил её просиживать с кипой исписываемой бумаги на коленях, перст Сатэ-Сади под воздействием такого прозаического инструмента, как шариковая ручка, подался влево (или вправо, это с какой стороны смотреть) и собрат его на правой руке, что странно, повторил эту конфигурацию.

Надежда Наркиссовна (далее, как пишут в документальных произведениях – НН), глянув на палец и выслушав сетования Веды, хладнокровно напомнила дочери, что в 100—400 дни Возвращения Сатурна Судьба воздействует на доминирующую руку, помогая осваивать профессию. Так что жаловаться не на что...

Длинные полы красивого плаща из тонкой искусственной тускло-золотистой кожи расходились от самой талии, стянутой широким ремнём. Веда всегда застёгивала плащ наглухо, под узенький кожаный ремешок на металлической пряжке, приходившийся у самой шеи. Но шарфа никогда не брала с собой и шею не обматывала, предпочитая нитку белого или чёрного жемчуга.

Она поднялась по винтовой лестнице, крутизны которой не выдерживали приезжие. Показалось сверху море, вызвавшее аппетит у Веды. Оно лежало ровно, как в утренней чашке с молоком, ежели Вы пьёте по утрам молоко, но голубое, как платье натуральной блондинки. Ощущалась его толщина – в чёртову дюжину мужчин, поставленных один другому на плечи. Уютное в глубине, издалека и сверху оно было просто соблазнительным. Ах, как славно окунуться в упругие синие волны – всё равно, что читать того сочинителя из Годаньи, взаправду побывавшего в Чёрной Дыре! (И да, в Годанье тоже рождались не только великие живописцы и музыканты.)

Винтовая лестница четырежды поворачивала над нижними этажами посёлка, и столько же раз возникала новая картинка, фоном для которой служили по-зимнему зелёные склоны. Окошечко открывалось в просветах под лестницей и повисало в воздухе.

Наверху лестницы надвое расходилось городское шоссе. Вправо, чтобы превратиться в тщательно вымощенную асфальтом дорогу, ведущую в самое сердечко посёлка с престарелым памятником в блестящих зарослях самшита, лавками с грудками прекрасных конфет и чудным зданием поселкового совета, где по обе стороны висели флаг Сурьи и новый флаг отколовшейся её части. По левую руку шоссе вскоре теряло амбиции и опрощалось до ухабистой сельской тропы в рытвинах с остаточными следами пятидесятилетнего асфальта и столетней брусчатки.

Там, где обрывалась тропа, реяло в воздухе строение, называемое поселъчанами Адским Домом. Это был гигантская в лесах многоэтажка, и прелесть её заключалась в том, что никто не помнил, когда её начали строить. Кто – тоже неизвестно. Один горожанин сказал, что подрядчиком (он-де видел доподлинно бумагу, только что распечатанную) назван кто-то из Дыры, или как её называли по новой моде – Ад. Но не все слушавшие поверили: больно несолидно для чиновников из Дыры, те норовят что-нибудь поосновательнее. Вот ежели кто из ихнего военного начальства, тогда да, тогда можно и поверить сомнительному слуху.

Неподалёку от площади с памятников на маленькой площадочке, где по осени торговали мёдом и обувью, белая кошечка подкрадывалась к чёрной таксе в бархатной на вид шкурке. Такса лежала на согретой Орсом брусчатке. Кошка заговорщицки посмотрела на Веду, её взгляд говорил: «Это существо, наверное, приятно на ощупь».

Собака изредка, приподняв длинную морду, краем глаза взглядывала на кошечку, посмотрела и на проходившую мимо женщину. Веда увидела великолепный кинотеатр, обновлённый, с огромнейшим кондиционером, плакавшим крупными слезами в дни премьер комедий.

Боковая, маленькая, в железных уголках дверь кинотеатра раскрылась, и вышел огромный дог и за ним массивный в плечах невысокий человек. То был Кирилл Эммануилович, директор этого самого кинотеатра. Он с большим удовольствием заговорил с Ведой.

Кирилл Эммануилович был до безумия влюблён в НН и потому, чуть ли не с отеческой лаской относился к Веде Львовне.

Дог напротив её не жаловал, ибо вообще был суров и замкнут.

Кирилл Эммануилович пожалел, как всегда, сходу:

– До чего же обидно, что в нашем поселке нету для вас пары, Веда Львовна.

Он пошёл рядом, и дог чуть в стороне – оба тигриной танцующей походкой, хозяин – потому что был тигром, пёс – так как невольно подражал хозяину, несмотря на свою независимость. Внизу лежало море и, уловив взгляды прищуренных от сияния Орс бледно-зелёных глаз Веды, Кирилл Эммануилович ласково спросил, уж не изволит ли она плавать? Он так и спросил:

– Изволите плавать, Веда Львовна?

Церемонный человек, КЭ. Был он военный в отставке, и, когда ему предложили на выбор заведование столовой или кинотеатром, КЭ немедленно выбрал, и заведение отставного подполковника сделалось наилучшим на всём побережье.

Они ещё погуляли над морем, и, передав нижайшие поклоны Надежде Наркиссовне, тигр раскланялся, но вдруг припомнил и задержался.

– А как стеллажи для книг вашего папеньки, Царствие ему небесное? – Спросил он любезно.

Веда Львовна не удивилась, ибо в посёлке любая информация становилась достоянием общества почти мгновение спустя, и сие, несмотря на действующий в Сурье мораторий: «чтение мыслей, как пережиток... и т. д.»

– Сегодня привезут. Николай Яковлевич обещали...

КЭ покачал круглой большой головой и ничего не ответил.

Он, не допущенный к дому НН, слегка ревновал, хотя считал мебельщика не важнее, нежели тот актёр на театре, которому доверено громко говорить «Кушать подано» или же угрюмо стонать за сценой, в то время, как на сцене клянут это глупое привидение. (Разумеется, не важнее в смысле романтическом, ибо КЭ чужд предрассудков относительно лавочников и художников. Все равны были в городке, и владелец кинотеатра не стоял по социальной лестнице выше владельца магазинчика.)

Они распростились, но она снова посмотрела на море, раззадоренная словами директора кинотеатра.

– Вы гуляете, конечно? – Охотно останавливаясь, спросил подполковник, причём дог позволил себе вольность чуть раздражённо натянуть поводок.

Она объяснила, что вышла по делам, но день совершенно, ну... дивный, Орс так светит, что...

– Понятно. Вы по-прежнему в Парке трудитесь, Веда Львовна?

– Нет, я подала заявление. Надоело, знаете ли, немножко.

Он кивнул. Его подбородок, широкий и выпуклый, приподнялся на фоне синей чаши моря и грозных таинственных горных отрогов, уходящих под волны на Юго-Востоке, и опустился. Линия высоких и чёрных кипарисов вела вдоль обрыва. Издали эта линия внушительна, как зубцы крепости, но здесь видно, что это всего лишь деревья – позеленевшие от приближения весны, в гроздьях пока нежных шишечек, безумно любимых белками.

– Дело должно нравиться. – Охотно поддерживая беседу, вымолвил толстоватый, как чуть распутившийся атлет, директор кинотеатра. Сам он истово был привязан к своей профессии, он относился к ней, как белка к свежим кипарисовым шишкам или даже к октябрьскому инжиру на бесчисленных активно плодоносящих смоковницах посёлка.

– Просто даже неудобно, теперь, когда у нас, наконец, купили книжку, держаться за эту работу. Хорошее рабочее место. Кому-то оно, как воздух, нужно, а я буду его занимать. – Робко и вместе с тем твёрдо толковала Веда, разглядывая косоватыми глазами горизонт, и уголки их приподнимались от убежденности. Приподнимались и мочки кругленьких ушек, и КЭ умиленно это отметил – быть может, потому что, вопреки всем законам Двойного Отражения, эти незамечаемые самой Ведой движения свидетельствовали: законы наследственности никто не отменял. Так двигаются уши крупных кошачьих в минуты опасности и повышенного внимания...

Кирилл Эммануилович согласился, что это очень верно. Они расстались, он поклонился, улыбаясь неулыбчивым ртом с твёрдыми яркими губами. Вслед Веде он не посмотрел – его любовь к НН носила не ностальгический, вопреки солидному возрасту, а, как и подобает сему чувству, – неистовый характер. Он ушёл вглубь посёлка по своим киноделам шагом уверенным и весомым.

И всё же она тотчас после беседы с директором кинотеатра направилась скорым шагом, хотя каблучки к такой скорости не располагали, именно в Парк – за своим забытым в конторе зеркальцем.

Ведь зеркальце – вещь важная. Никто из учёных ещё не объяснил, почему это происходит... но ведь происходит же! Нате вам – обычная гладкая поверхность, никакой мистики и магнитных волн, но стоит заглянуть в неё – и происходит волнующая и необъяснимая вещь.

Это было куплено третьего дня, и в него Веда ещё ни разу не заглянула. Даже не распечатала.

Она пользовалась служебным входом. Раньше, когда она заходила в контору, то непременно тотчас включит свет в крохотном предбаннике, где почему-то всегда пахло кошачьим любовным одеколоном, и запрёт и эту внутреннюю дверь, памятуя правила безопасности «Хранение документов, гарантирующих Основную Память».

На трёхногом столике разложены всегда папки с бумагами о приёме и выдаче книг и рукописей, копии инвентаризаций за пять лет, информация о перераспределении изданий между школами и культурными учреждениями побережья, копия пользовательских формуляров и иные Документы. Стоял электрический чайник, несколько портретов. Картину с белой лошастью, нарисованную девочкой из местной школы, Веда не замечала, но всегда помнила, что она должна находиться слева и выше. Если бы картина пропала, Веда сразу заметила бы это. Засим заглядывала в ожившую обещалку, издающую звуки оголодавшего кота, и день вступал в свои права окончательно.

Ключи отдаст она сегодня вечером, на калитке, под роспись. Тяжёлая связка их мешала порядку в маленькой сумке Веды. Это было одной из причин – если честно, самой главной – желания уволиться из Парка. И разве это сумасбродство?

...Вот и дверь, тяжёлая арочная, с многочисленными надписями мелом и невнятными рисунками, сделанными с помощью баллончика с краской.

Но, не дойдя нескольких шагов до своего рабочего места, возле куста зеркального лавра, которому искусная рука придала форму дракона-младенца, Веда отвлеклась.

В сарайчике сбоку, где раньше хранили часть совсем уж архаического архива, дверца не была прикрыта.

Она не успела возмутиться такой халатностью, потому что заметила в кустах движение. Навстречу ей вприпрыжку направлялось какое-то большое бурое существо.

...медведь!

Кажется, этот вид называют Урсус Хоррибилис. Но Ужасный Медведь выглядел до чёртиков импозантно и предпочитал, по крайней мере, в настоящий момент прямохождение. Шкура блестела, и под нею двигались мышцы.

Он её не видит. Похоже, погружён в собственные мысли.

Веда остановилась, подёргивая по скверной привычке кончики бархатных перчаток. Ожидая, когда он посторонится, она невольно искала его взгляда, чтобы поздороваться или обменяться ничего не значащими мимическими движениями незнакомых цивилизованных существ.

К тому же, никогда прежде она не видала в Парке этого медведя (очень представительного), а повадка у него явно хозяйская – курортники не расхаживают в укромных служебных уголках. Тень и дикость Северо-Запада не вдохновляют их, предпочитающих светлые скверы в районе речки и тополиные аллеи на пути к набережной, где протяжный прибой испытывает неискушённое воображение.

Когда гризли её заметил, в его маленьких глазках зажглась неистовая ярость. Он словно увидел своего врага, которого искал по всему свету. Короткая и жёсткая щётка шерсти встопорщилась у него на хребте. Он запнулся и бросился к ней, забыв об эволюционном преимуществе и упав на все четыре.

Веда не видала, ежли честно, доселе медведей и потому не знала, каковы их привычки. У неё возникло подозрение, что ей вряд ли захочется пополнить своё образование.

Вдобавок она углядела обрывок цепи. Медведь бежал к ней ужасной развалыцей.

Как раз наступил полдень и неяркое солнце, выплыв из облака, стёрло тени. Медведь поднялся на задние лапы и раздвоился, вернее, из-за медвежьей громады выскочил человек.

Со страху ей показалось, что это ещё одно чудовище, но в следующее мгновение она поняла, что ошиблась. Просто он был очень высокий и двигался с необыкновенной скоростью. В кожаной куртке, в чёрных джинсах, черноволосый – это обилие теней сбilo её с толку. Нет, он – обыкновенный человек (привратник, складчина, багажник – как только не именовали себя подчинённые законам двойного отражения, будто им мало было официальной энциклопедической версии).

Он схватился за свисающий обрывок цепи, упираясь спортивным ботинком в кочку одомашненного болотца. В расстёгнутом вороте рубашки блеснул знак Орса. (Многие из багажников носят такие. Иные, чтобы подчеркнуть свою приверженность одному из двух Прибежищ Единого, другие просто в качестве украшения.)

Неизвестный притянул медведя к себе и тут же оттолкнул плечом. Звуки рычания или плача, которые издавал медведь, безумно взволновали Веду.

Она уже осознала свою ошибку, но всё равно трудно верилось, что такой представительный зверь может существовать сам по себе, без спрятанного в нём человека.

Лицо спасителя Веды мелькало за медведем, как за холмом. Рукав куртки у плеча лопнул по живому, точно кожу полоснули лезвием.

Веда сообразила, что подыскивает слова для портрета. Это такая привычка, от которой трудно избавиться. Тем паче, лицо стоило того, чтобы остаться запечатлённым в памяти.

Молчаливый незнакомец как раз любезно подставил для обозрения свой профиль. Лоб чуть скошен, но высок, свирепый птичий нос и сжатый от напряжения рот над выдвинутым подбородком. Веда удовлетворённо кивнула сама себе, хотя вздрагивала от сильных ощущений. Всё, она запомнила.

Этот попавший на кончик пера скрежетнул зубами, ремень врезался ему в запястье. Медведь тоскливо заревел. Он и мужчина были достойные соперники. Схватка среди пронизанных светом молодых листьев могла привлечь внимание любителя ставок, но что-то произошло.

Веда увидела, что человек потащил за собою медведя, обмякшего, как пустая шкура.

Они скрылись среди кустов лавра, за соснами. Потом снова показалась кожаная куртка, обтягивающая широкие плечи. Человек пытался. Веда увидела очень длинные ноги мужчины, совершающие полубалетные, полуфутбольные па. Он обернулся через плечо. Мелькнувшие среди листвы дальние горы подчеркнули брутальность его профиля. Это была картинка из превосходной детской книжки, где художник-иллюстратор не связан требованиями косного реализма.

Медведь снова воспрял, рванул вправо, его противник накрутил на запястье цепь. Теперь они смотрели друг другу в глаза.

Медведь показал зубы, а человек оскалился в улыбке.

Веда полностью отдалась впечатлениям и даже слегка расстроилась, когда человеку удалось втащить медведя в сарай для инвентаря с табличкою «ХОЗ». Веда могла бы теперь уйти, но осталась.

Рёв медведя сменился тишиной. Человек вышел. Она так напряжённо ждала, что, увидев его, вздрогнула. Увидев её, он кивнул и, подняв руку в разорванном рукаве, приложил к сердцу. Очевидно, он разом извинился за то, в чём считал себя виновным, и умолял не уходить. Она повиновалась, глядя, как он (довольно небрежно) запирает дверь.

– Я не предполагала... – Вырвалось у неё, когда он приблизился к ней по тропинке, заталкивая ключ в карман джинсов.

Он немного запыхался, чёрные, как хлопья сажи, волосы растрепались, на запястье она заметила кровотокающую ссадину.

– ...Что медведь может быть сам по себе. – Подхватил он, заканчивая её брошенную на произвол Судьбы фразу.

Она рассматривала его. То же самое делал и он.

– Ошибка. – Наконец, произнёс он и медленно улыбнулся. – Вы часто совершаете ошибки?

Веда продолжала смотреть на него, но взгляд её сделался холоднее.

Его лицо, с высокими плоскими скулами, удлинённое, не пострадало после схватки. Веточка застряла за ухом, это считается?

– Я не люблю, когда разговаривают вот этак. – Ответила она.

Он сделал ладонью жест, говорящий – понимаю. Наклонив лицо, он объяснил, что чувствует себя виноватым, отсюда и некоторая фамильярность – он надеется, что она его извинит.

Затем их беседа развивалась с паузами и внимательными, исподтишка изучающими взглядами, ещё несколько минут. Веда была благодарна за спасение и вообще мужество всегда слегка опьяняет.

Пока пружина флирта раскручивалась (или закручивалась) с похвальной неторопливостью, Веда убедилась, что новый знакомый хорошо воспитан и умеет выбирать слова.

Чего-то в нём не хватает, сказала она себе, но объяснить не захотела. Он посмотрел на неё проникновенно и в то же время сдержанно, продолжая рассказывать о том, как хлопоты по организации циркового турне завели его...

– ...в этот забавный городок. Знаете ли, в столице много пишут о вашей прекрасной погоде.

Она кивнула. Посёлок находился на границе между Сурьей и временно отделившейся территорией, и потому волновал столичных комментаторов. В Годанье его упоминали, как «форпост возможностей демократии в Опасном Лесу». Разговор о погоде вполне сойдёт.

Она смотрела на губы его, которые улыбались, и поднимала взгляд, чтобы удостовериться: а глаза-то серьёзны. Цвет лица у него был красноватый – знак принадлежности к древней расе то ли захватчиков, то ли коренных жителей.

Тысячу лет назад территорию нынешней Сурьи оккупировали эти непонятные с красноватым цветом кожи, широкими и высокими скулами и тёмными раскосыми глазами. Сурья долго томилась в рабстве и освободилась, дав оккупантам отчаянное сражение.

Те, кто не любил Сурийцев, любили злословить, что победили захватчиков Сурийцы с узкими глазами над подозрительно высокими и широкими скулами. И всё же Сурья освободилась. И вот эти старые знаки на лицах незнакомца и Веды свидетельствовали о древнем союзе любви и крови. Это давала о себе знать хромосома Вторжения, сплавившаяся с разномастной генной цепочкой Сурьи.

Таким образом, Веда и Владимир, хоть и принадлежали к одному роду, и были молоды, являлись носителями реликтовых знаков Общности и Отчуждения. Если бы между ними состоялся роман, это только придало бы остроты их чувствам. Они это знали, со всей силой двух сознающих свою привлекательность животных

– Меня зовут Владимир.

Он как будто угадал её мысли, но вида не показывал. Веда с любопытством следила то за ним, то за сарайчиком, из которого изредка доносился тихий исступлённый рык.

«Я не должна больше его видеть».

...Она увидела его ещё семь раз в течение семи дней. Медведь неизменно рычал и бесновался возле сосны, а Владимир успешно изображал полную противоположность. Вот и сегодня в четверг они разговаривали в парке под медвежий шум, то ли мычание, то ли отдалённый гром. Океан за оградой тоже рокотал, хотя куда деликатней и многозначительнее.

Они говорили о погоде, о весне, о новой люстре в церкви, о том, правда ли, что в посёлке инкогнито живёт великий злодей, о политических переменах в связи со странным отпадением Юго-Западного побережья от основной территории Сурьи, о красоте сосен в парке, похожих на преображённые облака. Это звучало так:

– Тепло, да?

– Весна очень необычное время.

– Д-да... Один человек назвал её насильницей.

– Правда?

– Ну, да... а это правда, что у нас здесь живёт один ужасный... он злодей и всё такое... Да?

– О ком вы говорите?

Веда назвала.

Владимир спросил:

– А вы сами верите, что он здесь? Говорят, зло можно почувствовать на расстоянии, когда расстояние уменьшается.

– Не знаю.

– Я тоже. Но дела здесь творятся такие, что я бы не удивился...

– А, вы про это... но ведь в этой стране всегда что-то такое происходило. Наверное, и до Метеорита разные города то и дело объявляли о своей независимости.

– Возможно. Удивительно изящные сосны растут в вашем парке.

(Медведь в эту минуту как раз трудился над тем, чтобы вывинтить одну из них из земли, сплошь устланной дёрном.)

Подобный разговор происходил между ними уже в седьмой раз, причём, предварительные варианты мало различались. (Третьего дня им повстречался пробиравшийся среди дёрна, как сквозь лес, помощник мэра, и какое-то время они исследовали на прочность и эту тему.)

Владимир вспомнил про бедняжку и собирался сказать что-нибудь незлобивое о власти и её природе, но заметил удивлённое лицо Веды. Она прислушивалась, потом обернулась к пинии. Медведь мирно спал, осенённый зелёным облаком.

Бражник прилетел. К его встрече приготовили сретенские нарциссы – прелестные неяркие цветки табака, испускавшие столь сильный и нежный аромат, что он мигом наполнил всю квартиру.

– Откуда цветочки? – Спросила НН.

(Веда не ответила.)

Апрельские белые звёзды почти не пахли. Бражник отнёсся к ним сдержанно, и пришлось угостить его чаем.

– Так откуда цветочки? – Повторила упорная НН и получила ответ – улыбку. Взглянув на знаменитые дочерние зубы, она хмыкнула, как делал это Пусик, когда пища не устраивала его.

Когда снова встретились, медведь полез Веде навстречу, гукая, как гигантский волосатый младенец. Было пасмурно, по холмам гулял туман, ибо пришло время тумана. В парке таинственно дрожал воздух, между деревьями мелькали белые ускользящие фигуры.

Внимание Веды было утрачено Владимиром в значительной степени, медведь занимал все её мысли. Владимир предложил ей выйти через Южную калитку к набережной и посмотреть, зажёт ли иллюминацию военный корабль, стоявший в бухте с новогодних каникул. Корабль пришёл под флагом одной из стран Годаньи с миротворческими целями в качестве гаранта от агрессии Сурийских вооружённых сил. Так было напечатано в «Юго-Западной газете».

– Огни в тумане... хотите?

Но Веда отказалась. Она следила за тем, как зверь, похожий на сбегавший из чашки великана кофе, возится на лужайке, пытаясь вобрать в себя крепкий дух зелёной травы.

Восьмое свидание прошло без медведя. И на другой день Владимир не привёл его, и в сарайчике затаилась тревожная тишь, хранившая медвежью форму. Владимир не отвечал на расспросы Веды, где он потерял их постоянного свидетеля. Он даже не уцепился за провокационный вопрос, чтобы переспросить, свидетелем чего могло быть его второе воплощение.

Веда рассердилась и брякнула, что он ревнует бедное животное к ней.

– Он проникся ко мне симпатией.

– Это верно.

– Где он?

– Не беспокойтесь о нём.

– Я просто хочу его увидеть.

Владимир улыбался. Не стирая этой глуповатой улыбки, он пообещал, что когда-нибудь покажет ей медведя.

Если она действительно хочет.

Она заверила, что хочет.

– Сейчас.

Он помотал головой, совсем как медведь.

Беседа расстроилась. Веда отвечала холодно и скоро стала прощаться.

Тогда он вздохнул, отступил к сосне, исчез, вместо него в тени появился гризли.

Веда никогда не забудет этого: тёплый дрожащий воздух, низкий потолок парка, привидения среди ещё не одетых кустов, жёлтые бороды форзиции возле сухого фонтана, и медведь, похожий на валун.

– Ну и ну.

Так она сказала. С места она не сдвинулась. Она заметила, что медведь, хотя и вполне разумен теперь с виду, но преодолеть себя она не может. Он заворчал, и, преображаясь во Владимира-человека, сердито уличил:

– Ага.

Что он имел в виду, Владимир не объяснил. Веда миролюбиво подошла к нему и, взяв под руку, предложила пойти и посмотреть на огни в тумане.

Огни были хороши, что и говорить. Уже прощаясь, Владимир, заметивший, что расстановка сил не изменилась, легкомысленно подзадорил её – сказал, указывая на туман, блуждающий над бухтой, что он не прочь...

– ...поплавать с вами.

Она обернулась, не тратя слов... Он скалился в своей обычной манере, которая ничего не выражала, и взгляд его невольно остановился на её губах, розовых и не очень ярких, открывающих в ответной улыбке крупные зубы. Клыки были самую чуточку длинноваты.

Рядом собирали в мешок книги с прилавка – рабочий день кончался.

– Погадаем по книге? – Веда взяла с прилавка потрёпанный томик. —

Вы позволите?

Продавец, могучий седобородый старец, позволил кивком, даже не взглянув на них.

Вышло:

– Старые карты, красивые девки.

– Хорошо, что не наоборот. – Согласилась Веда. – Это мы на кого гадали?

– На меня. – Решил Владимир. – А можно, я прочту всё целиком?

– Это позволительно?

Владимир пробежал быстрыми глазами текст:

– Всё прилично.

– Ну, валяйте.

– «Старые карты, красивые девки, выпей на посошок. С собой прихвачу только книжки, винишко в дырявый дорожный мешок».

Веда глянула краем глаза.

– Там ещё строчка.

– «Камень и тот, придорожный, знает, твой поцелуй – ожог».

Веде понравилось, и потому она принялась язвить:

– Какой любезный камень. Откуда бы ему знать?

Владимир подумал и кончиками пальцев дотронулся до орсова знака, который неизменно выныривал из ворота его рубашки.

– Может, она камень на шее носит?

– Да, или у неё каменное сердце.

Медведь прекратил развивать тему и спросил, сколько стоит книжка, но продавец хрипло ответил:

– Нечего из вежливости расход делать.

– Мы вас задержали.

– Не гоморрец я, чаю.

Сгрёб потрёпанные сокровища и ушёл со своим мешком.

Медведь проводил его взглядом, откровенно жалея, что не купил всё же книгу. Он собирался что-то сказать.

– Я подыскал себе кое-какую работёнку. Довольно далеко.

– Так уж далеко?

– Ну, изрядно. Есть такое местечко. Про него обычно не говорят.

– В аду?

– Хуже.

Медведь видел, что Веда не верит. Она припомнила ответ продавца и улыбнулась:

– В Гоморре, что ли?

Медведь рассмеялся. Они распрощались, причём медведь отчётливо произнёс напоследок несколько слов.

Когда Веда возвращалась домой, размышляя над ними, она мысленно прикидывала, какими могут быть возражения Надежды Наркиссовны против Владимира. Не то, чтобы Веда решила резко поменять свой образ жизни и ввести в неё этот новый, надо сказать, прельстительный элемент. Она часто оценивала людей и события с точки зрения изумрудно-жёлтых глаз сервала. Это было полезно, так как НН обладала удивительно рациональным взглядом на происходящее.

Конечно, законно возникает вопрос, а что собственно может вообще происходить в этом посёлке, где все и каждый вечно, с чашечкой кофе в доминантной руке и с облупленным яичком в другой, лежат на подоконнике конторы либо сбоку на прилавке лавочки. Чиновники в предбанниках, сидельцы в лавках, учителя в учительской, садовники в Парке – ну, все...

Веда, не отвечая себе, вытащила из крошечной сумочки зеркало в собственную ладонь величиною – оно и помещалось в ладони. Распаковала: подцепила ногтем верхнюю целлофановую обёртку, затем ноготком стерла закраску с шифра. Поверхность принялась таять и светлеть. Казалось бы, зачем удивляться очевидному – Орс всходит из океана, Бриджентис ярче ночью, чем днём, а зеркала... они...

Так и есть. Проступил в зеркале её портрет – пока плывущий, мелькающий, но всё более ясный и отчётливый.

Она досадливо подумала, что не купила в запас ещё пару зеркал. Ненужное она мимоходом, покидая Парк, бросила в прорезь прозрачного, согласно правилу, чана у Восточной Калитки, где оно и растворилось.

Острое стёклышко вмонтировалось в молочную густую массу и принялось таять комком порошкового крема. Амальгама, хранящая память о последнем лице, показывала портрет, созданный второпях.

Смотреть на это не рекомендовалось, (но и не запрещалось). Вот Веда и смотрела. Под её взглядом лицо теряло живые краски, становясь призрачным, как лёгкие лики парковых обитателей. Будто кто вытирал запотевшее стекло. Глянули на неё из чана собственные глаза, да так напряжённо и вопросительно, что Веде сделалось даже слегка не по себе.

Растворение происходило медленнее обычного – чан был переполнен, а ускорителя давно не добавляли, нарушая норму. Лёгкий запах миндаля поднимался над подрагивающей и дымящей массой.

Веда решила ничего не говорить дома про Владимира.

Встретившись с ним через три дня, она пожелала отправляющемуся в дальнюю дорогу наилучшего сочетания обстоятельств. Разговор на этом закончился. В первый день весны медведь покинул город.

Опрометчивость акулы

Конечно, жить в посёлке не очень-то приятно, так как здесь живут с тобой под одним небом, то выкрашенным в детский голубой, то серым и низким, 22 тысячи человек. Не нужно обладать сверхъестественными математическими способностями, чтобы подсчитать, скольких из этих тысяч вы скоро будете знать в лицо. Вы будете знать держателей лавок, учителей местной школы, директора кинотеатра, богатых людей, бедных людей, не говоря уже об их складчине. И они будут знать вас.

Но, как не нами сказано, – всякая палка о двух концах. Есть в этом и нечто и не столь неприятное.

Вы, к примеру, можете себе позволить некоторую фамильярность, домашнюю вальяжность.

Так размышляла утром последнего дня марта Веда Львовна.

Именно эти размышления побудили её выйти на прогулку до утренней чашки кофе, не сменив домашнего халата на что-нибудь более подходящее. Впрочем, она прикрыла неглиже длинным плащом и накрепко стянула его на талии. Халата – вишнёвого или скорее лилового при утреннем свете – не стало почти видно.

На ногах остались домашние, обтянутые бархатом туфельки на босу ногу.

Утренняя прогулка началась.

Она спустилась к набережной и первым делом увидела художника. Веда сразу немного раздражилась, так как предположила, что он рисует море.

Дело в том, что посёлок имел счастье обладать пейзажем, который притягивал всех тех, кто любит дублировать действительность. На Юго-Западе в бухте очутилась во времена движения ледников небольшая гора, оторванная великими переменами от далёкого материка. За несколько тысяч лет гора обтесалась и поросла лесом.

Этот кусочек пейзажа до того часто переносили на холст свои и пришлые, что на воздухе должна была образоваться рамочка.

Гора покорно позировала и даже не двигала сердито лопатками под мохнатой шкурой. Конечно, никому не возбраняется рисовать, что душа пожелает. И хотя качество изображений не совпадало с количеством, жители посёлка относились к этим похитителям отражений совершенно благодушно.

Веда почему-то не любила поклонников знаменитого пейзажа и еле слышно скрежетала зубами, когда видела очередную спину, обтянутую ветровкой или покрытую загаром, а за плечом набившую оскомину трапецию с непременным облачком нимба и взвихрившейся волной у подножия.

Она уже оскалилась, когда взгляд её скользнул к холстику, высоко поднятому на мольберте. Если бы художник обернулся, он бы увидел стройную женскую фигуру, затянутую в плащ, из-под которого виднелись домашние башмачки. Он бы рассмотрел холодное лицо, с прикрытым светлыми прядями глазом. И, приглядишься он повнимательнее, он бы увидел, что дама чем-то рассержена, но вряд ли бы понял, что виной он сам, а тем паче – почему вдруг оставшийся на виду глаз просиял от удовольствия, а руки перестали нервно стягивать на груди плащ.

Веда с удивлением убедилась, что на картине явственно возникают западные холмы. Художник очень точно передал трудные цвета – зелёный и коричневый. Этот поклонник чуждой Веде стихии, не зная о том, поднял ей настроение.

Веда тихонько обошла его, не услышавшего шагов, и не позволила себе обернуться. Она вела рукой над поручнями и рассматривала море, на которое не посягнул дубликатор действительности.

Спустя месяц будут мыть набережную, и страдальчески просить презрительными головами не ходить «по мытому». Элегантные дамы будут перелезать через ограды Парка, чтобы увидеть фонтан, который до этого видели на картинках. Сейчас не сезон.

Каменные носороги пыжились по обе стороны Южной Калитки. Маленькие пирамиды, страшно древние, открытые морским офицером в степи, стояли вдоль аллеи акаций. Еле приметный запах тухлых яиц настигал того, кто желал рассмотреть их поближе. (В качестве строительного средства использовали смесь яиц с сахаром.) Привезли пирамиды именно сюда, потому что посёлок выиграл среди приморских городов Юго-Запада в конкурсе «Право на древности».

Тусклый свет Орс приветствовал Веду. Он выглядел гостем из плоского мира, вломившимся в трёхмерку. Веда могла бы встретить здесь мэра – многие мэры совершают утреннюю пробежку. И нашему тоже советовали совершать пробежку по утрам по примеру лидеров Годаньи. Его уверяли, что совершающего пробежку президента какой-нибудь из стран Годаньи, граждане запросто могут встретить бегущим по улочке в нарочных штанишках. Но мэр нашего городка таких вещей делать не будет: справедливо полагая, что президенту-то можно, Годанья эвон большая, а ему не следует – неприлично.

Ворота парка: кованые Орс и Бриджентис с младшей сестрой украшали решётку издавна.

Она спустилась на общественный пляж, оставила плащ и туфельки в укромном месте под каменной лестницей, и, не колеблясь, вошла в воду по щиколотки.

Приподнимая полы халата, она побрела по воде.

И вот тут-то она поняла, что удержаться не сможет, и хоть на взгляд небезумного человека было более чем прохладно, поплывёт в голубой, страшно холодной и волнующей сердце воде, чем-то похожей на шампанское.

Поплывать!

Вода очень подходила для Настоящей Прогулки, но она всё же не позволила себе подумать об этом. Ей было памятно, как способна она увлечься, приняв себя другую, и как радостно быть акулой и быть свободной.

Она поплыла, и ткань халата мешала ей разве что самую чуточку. Она бы и вовсе ей не мешала, если бы она не думала всё время о том, как хорошо было бы выпустить складчину...

Но нельзя, так – нельзя.

– Организм не принимает? – Говорил добрый голос. – Или принимает?

Акула думала, что она одна в целом мире, и голоса показались ей на редкость противными. Спокойное утреннее море плескалось вокруг лодки, высунувшейся из-за скалы. Веда повертелась в воде и поплыла в том же направлении, надеясь обогнуть каменный выступ раньше, чем лодка выплывет на открытое пространство.

– Она – человек. – Возразил другой. – Баба редко когда человек, но уж если человек – то тогда да, тогда уж... Ты понял, что я сказал?

– Я понял, что ты сказал. – Заверил добрый нетвёрдый голос.

Последовало молчание. Океан прислушивался.

– Это подарок, да? – Спросил добрый.

Потом он же сказал:

– Ре... региональные бусики. Она будет рада.

Пловчиха подивилась своей досаде. Правда, голоса были пьяненькие, и она сразу поняла, что это приезжие, но чем они ей помешали?

Если она не поторопится, они её заметят, и тогда последуют комментарии. Пустяки, конечно, но одно только предположение её взбесило и заставило приподняться в воде.

Возле первой, меньшей из скал она столкнулась с ними. Течение вынесло её неподалёку от лодки.

Дружелюбные рожи мелькнули смутно, как в пиратском рулоне, которыми брезгует КЭ.

– Смотри-ка. – Сказал тот, что имел рожу больше и расплывчатей.

Другой подхватил:

– Смотри, какие тут водоплавающие птички.

Это множественное число вывело её из себя. (Так она, спустя час, оправдывалась перед собой.)

Потом она оправдывалась, что преследовать акул, когда они хотят побыть в одиночестве, – нехорошо. Словом, чистойшей воды неврастения.

Веселящийся рот бедного толстого дурака в лодке напомнил ей подсознательно о собственных челюстях. Семиметровая линия голубой глади зашевелилась. Вынырнуло желто-бурое тело с плавником из мирной блёклой воды бухточки. Лодка от мистически необъяснимого толчка перевернулась.

– Акула! – Крикнул один.

Оба вслед за классическим воплем и падением, заколотили ногами и руками по совершенно спокойной великолепной воде.

Та, которую помянули, устыдилась.

Поплыла, забыв в мгновение ока об этих никчёмных бедолагах и обо всём. Это вам не ванна. Да, дорогая мама. Поплыла спокойно и величественно, с огромным удовольствием разрезая нежную поверхность любимого моря. Увлекаясь, нет – непростительно увлекаясь.

Преображению сопутствовала вспышка радости. Веда втайне подозревала, что это неправильно и свидетельствует о том, что зеркальная душа несколько обособлена и, как говорится, себе на уме. Чем это чревато, она не знала и, если честно, не задумывалась.

Вероятно, следует остановиться на предмете превращения. Как, собственно, это происходит, точно известно только учёным, которые сочинили уйму книг на темы «Биофизика превращения», «Поведение протона в процессе превращения» и даже «Умственная гигиена до и после превращения». Обычным людям, как называют политики всех представителей популяции, начиная с гениального живописца и заканчивая теми, кто пишет разве что на заборе, – так вот, обычным простым людям ничего о превращении неизвестно.

Да и зачем? Ощущения при этом, как правило, приятные. Но не более. Похоже на те, что сопровождают погружение в сон, когда очень устала, и глаза сами закрываются, а книжка выскальзывает из разжавшихся пальцев.

Но с Ведой обстояло несколько иначе и это её, не то чтобы смущало, но... она старалась не задумываться, почему Переход вызывает у неё – в этой или той сущности? – неистовую радость, которую, с позволения сказать, стоило бы назвать дикой.

Это необъяснимое состояние встречается и в обыденной жизни, но не в такой степени. Когда в сумрачный грязно-мокрый день, ощущая тяжесть зимней одежды, вдруг видишь, как яркий свет зажигается в луже, и свет дробится под ударами подмётки прохожих, вот тогда в голове под черепной костью зажигается свеча и собственная кровь начинает пьянить, превратившись в слабое вино.

И сейчас это произошло. Веда никуда не исчезла, просто отошла в сторону и смотрела на пляшущий свет. Она словно нашла в шкафу коробочку с бабушкиными драгоценностями или увидела во сне звезду.

Она знала, что изменилась внешне и весьма. Наверно, вид у неё внушающий почтение. Она бы ухмыльнулась, припомнив вопли этих протрезвившихся бедолаг, если бы вместо губ в форме купидонова лука у неё не появилось острое рыло с вечной усмешкой треугольной пасти.

Вода тоже изменилась. Сравнение с шампанским теперь казалось неубедительным и слабым – зачем непьющей рыбе эти жалкие человеческие возбуждающие средства?

Вода теперь была не мокрая, а пушистая, как любимый плед. Она шевелилась, как множество букв и иероглифов, которые слагались в бесчисленное множество посланий. Вода видела Веду и говорила с ней и о ней. Она была безразлична и заботлива без меры в одно и то же время.

Акула не двигалась, это море двигалось сквозь неё. Веда в уголке сознания сообразила, как далеко она заплывла. Побережья как не бывало.

Прокричала птица – из тех, что прекрасны наверху, на распластанных двумя потоками свободы крыльях, и разочаровывают, цепко сидящие на перилах пляжей. Молочно-белая птица с жёлтыми глазами, лапки снизу похожи на детские рисунки цветов, летала над водой, в том верхнем неустойчивом мире.

Рыба без лишних размышлений убралась под воду со своим плавником, не замеченным пока с поверхности: вернули лезвие в ножны.

Тут из угла выступила собственной персоной Веда Львовна и шепнула: «Не вздумай...»

Но тотчас шторы раздёрнулись. Веду ослепило, и она зажмурилась.

Вильнула бурая тень под волнишкой. Удар изнутри шевельнул затихшую воду. Красивый большой нож так ровно разделил поверхность, что тонкий проборчик сохранялся на незримую долю мгновения дольше, чем положено по закону.

Птица? Никаких птиц.

Плоское небо отразилось в маленьких бесстрастных глазах, беззвучно под водой сомкнулись зубы. Ничего особенного не произошло...

Из потайной глубины она услышала далёкие крики. Кричали люди, с отвращением и негодованием. Они пожалели птицу.

Гигантское – как им со страху показалось, почти золотое тело акулы вызывало только одно желание – чтобы её не было. Но она была.

Она увидела людей на колеблющейся, как поверхность чая в чашке, палубе и услышала, как что-то с треском разорвало воду.

Теперь крики были полны торжествующей ярости.

Но за что?..

Оставляя за собой розовый тоннель и ощущая вкус собственной крови, а вкус собственной крови ужасен, Веда медленно пробивалась сквозь отяжелевшую воду. Тело стало неподъёмным и глупым, точно Бог не продумал его во всех подробностях.

Она знала толк в возмездии. Это за птицу – сказала акула себе.

И хотя первым намерением рыбы было – выброситься на ближайший берег, освободясь от раненого тела, ставшего чужим, как кандалы, она подавила приступ паники.

Принимать человеческий облик было бы ошибкой и непростительно глупой. Рана, опасная для акулы из вида лисиц, станет смертельной для женщины из рода человеческого.

И её повело чутьё.

Миновать слой серного газа в западной части под нависающими подводными хребтами было первой задачей слабеющей акулы с помутившимся сознанием. Там хранились под саркофагом стратегические запасы дометеоритной Суры. Кроме того, сероводород, отпугивавший ныряльщиков, на этой глубине, и впрямь, опасен.

Морской домовой, наспех приняв образ конька с мужской головой и атлетическими плечами, тревожно выплыл навстречу невиданному здесь существу, брови стража смешно хмурились. Рот двигался, он что-то дожёвывал, тревожная весть о чужестранке оторвала его от завтрака.

Акула подумала, что НН терпеть не может мужчин, которые, что-то дожёвывая, вступают в беседу, но болезненный, уже бредовый смешок, родившись в мозгу, погас. Она только шевельнула страшным носом, и Домовой, всё поняв, отплыл, с сочувствием поглядев на раненого багажника. Помощи он не предложил, прекрасно зная, что ничем помочь не может,

но зато подтвердил взглядом выбранное направление и оставался в оградительной позе на границе сероводородной области, пока хищная тень не скрылась в толще морского стекла.

Тоннели в воде вдоль побережья привели к подводному плато, по которому текла подводная река, не смешиваясь с окружающей водой.

Домашний проливчик пригрезился изнемогающей акуле, и даже человеческая фигура – та виделась из воды призрачной и двоилась. Это была фигура белоголовой женщины в сером узком платье и чёрных туфлях. Отложившая свою смерть, как откладывают птицы будущую жизнь в плотной скорлупе небытия, городская ведьма находилась в состоянии лихорадочного ожидания.

«Она знала свой долг», с бесчувственной усмешкой повторяла она себе. Сейчас она видела что-то, плывущее к берегу.

Зрение её, видимо, стало утрачивать обычную пронзительную остроту, ей показалось, что плывёт человек. Немного спустя она убедилась, что ошиблась – это была всего лишь очень большая рыба.

Потускневшая от боли плакоидная чешуя не мешала увидеть, как красиво было животное до того, как попало в переделку. Мириады каплевидных, покрывавших гибкую плоть убийцы чешуек в обычное время сливались в одно целое, как хороший тональный крем. Сейчас рыба выглядела, как встопорщенный обиженный ёжик.

Ведьма вошла в воду по колена, не подбирая серой юбки.

Без опаски она приблизилась к приподнимаемой приливом акуле. Одного взгляда оказалось достаточно. Плавник был повреждён у основания.

Белые волосы не сползли по плечам, когда ведьма наклонилась к бедной рыбе. Лиловые глаза не потемнели от сострадания. Она и не прикоснулась к ране.

Когда она вышла из моря, серый подол почернел, с него лилось струями. Она шла прочь и с каждым шагом уходила под землю. Белая макушка скоро скрылась под взгорками травы.

Вернулась она с коробочкой и кувшинчиком. Вылила что-то в воду перед острым рылом акулы и высыпала горсть сухой ароматной пыли.

Едва окрасившаяся в травяной оттенок вода мягко обволокла основание плавника и проникла через полуоткрытую пасть в нутро рыбы, та оживилась, дёрнулась и, извернувшись в воде, маленькими золотистыми глазами встретила с лиловыми глазами ведьмы.

Сквозь гладкую белизну поддельной молодости – изрезанное морщинами, как растрескавшаяся терракота, – увидела Веда лицо.

Каждая складка обозначала тайное знание, словно человеческий мозг чудовищным образом был вынесен наружу, и ему поспешно придали вид приятного лика человеческого. Таково внутреннее лицо ведьмы, скрытое от обычных глаз. Когда ведьма исполняла свой долг, все страдания, принятые ею на себя за долгие века существования, могли быть увидены и сочтены.

В бреду всё это мучило морскую тварь. Женщина не отстранилась, когда рыло с остроугольной пастью оказалось в непосредственной близости от её устало опущенных рук с крупно вылепленными природой фалангами пальцев, слабо шевелящихся в воде. Нежная с виду, а на самом деле грубая от снадобий, частенько содержащих яды, женская рука коснулась грубой, как наждак, акульей плоти.

Спустя пару минут океаническая нечисть очухалась немного. Прибой, милосердно пропускавший сквозь жабры саму суть движения, вскипел, когда акула задёргалась и вильнула лисьим хвостом.

Так, стало быть, она уже готова выслушать урок.

– Какая-нибудь из морских неразумных птиц... – Говорил голос низкий и гулкий, но неуловимо слабеющий в глубине сознания рыбы. – Не трогай...

(Ведьма говорила о гнездовье лебедей, устроивших себе приют на острове посреди малого моря.)

Ничуть не веря незнакомой акуле (или женщине), ведьма, наклоняясь и заглядывая пациентке в глаза, взяла с неё слово не трогать лебедей, у которых сейчас маленькие.

(Речь шла об армии Амазонок, потерпевшей поражение в битве при старинном становище в степи. Когда враги загнали их к побелевшей от сострадания синей бухте, те бросились в волны, посвятив свои души воздушной стихии так поспешно, что иной потом избрать не могли. Видимо, и не хотели.)

Это старая история, в которой составными частями были Предательство и Любовь. Преследователи не избежали той же участи. Не в наказание, конечно, как они подумали, но, разумеется, ради Равновесия, дабы не вымер лебединый род на Малом Море.)

Веда, конечно, попыталась придать своим маленьким хитрым глазкам почтительное выражение – мол, о чём тут говорить. У неё вообще от радости, что Обошлось, трепетало всё тело, из которого был изгнан мерзкий призрак боли.

Куда забавней оказалось другое требование ведьмы. Акула потупилась и охотно пообещала взглядом, что она, конечно же, всё сделает... то есть, *не сделает*.

Легкомысленная рыбина, пожалуй, тут бы хихикнула, но мешали жабры.

И всё же ведьма отчётливо расслышала человеческий смешок, который тотчас замер, будто кто-то осёкся от неуместного веселья.

От души пожелав своей исцелительнице найти замену, которую та тщетно призывала, акула, в голубом нимбе выздоровления, удрала, воспользовавшись изменившимся течением.

Ведьма проводила взглядом рыбу и повела белой головой в старомодном жесте укора. Только ей было ведомо, что день не закончится, а требование будет нарушено. К чему это приведет беспечную морскую тварь в любом образе, да и не только её, лучше не думать. «А ну вас... Делайте, что хотите».

– Дело молодое. – Буркнула женщина и ушла в домик, где отчаянно продолжала призывать замену.

И о чём она думала? Что когда-нибудь кто-нибудь придёт и пожалеет Болотный Огонёк и скажет, пожалуй: «Бедный Огонь, такой маленький...»

Рубец на боку ныл почти незаметно, красавица-рыба резала побережье, что твой ножичек молодой сыр.

Берег завладел её воображением. Акула не могла понять, что такого в перевёрнутом корявом мире. Веда выглядывала и облизывалась. Лесок мякотно стелился по холмам, дальняя гряда дымилась – туман валял дурака. Весна в этот час похожа на осень.

Опасное приключение сожрало полдня, время охотилось в своих владениях подобно акуле. Орс неярко тлел над холмом. Он сейчас нежен, как подобает воспитанному любовнику.

Веда чувствовала себя превосходно.

Тянущая боль оставила тело, растаяла в ощущении выздоровления, самом чудесном на свете. Краски берега становились всё ярче. Глупая женщина ощущала только лёгкое потягивание под плавником, где чудесное лекарство долечивало волшебной крепкую кожу акулы. Вдали она увидела огромные тени, которые двигались по воде – объединённый флот Годаньи, и в блаженном облаке всепрощения пожелала ему мирно уйти в свой океан.

Глубина редела, камешки на дне тарацились. Море вело себя, как приручённый зверёк. Пора приступить к превращению, пока осторожность акулы не возобладала и не погнала Веду обратно.

Сбрасывая облик, и ощущая, как меняется плеск воды, как оставляют её морские чувства и ощущение пространства и особый подводный рыбий слух, как бороздочки, наполненные особым веществом распознавания объёма жертвы, рассасываются в новой, менее умной плоти,

полу-акула продолжала подбираться к берегу. Ветер и морской острый дух ударили в лицо, и кожа стала до ужаса тонкой, она словно услышала тепловую волну, исходящую в очень холодной воде от её нелепо длинных рук и сразу замёрзших плеч.

Очень холодной!

Едва выйдя из акульей кожи, она ещё в воде поняла, что совершила ошибку. Рана, которая почти ничего уже не значила для акулы, оказалась трудновыносимой для человека – для женщины с ничтожно нежной кожей и жалкой иммунной системой городского животного. Она преувеличила, она слишком вжилась в тело-торпеду.

Идиотка, стоит вырваться на свободу и поплавать, и она сразу теряет чувство меры! Потому и книги её так долго не покупали. И только, когда вмешалась Надежда Наркиссовна с её здоровым цинизмом и отсутствием фантазии, а, главное, с тем самым чувством меры – дело пошло на лад.

Сейчас все эти размышления ни к чему, хотя кто знает.

Спрессованный песок охотно принял дрожащую фигуру в облепившем её лиловом халате. Смешные русалки кошельки валялись среди бархатных клубков водорослей. Роговые мешочки с четырьмя рожками, на самом деле, не имели отношения к русалкам. У русалок никогда не водилось такого рода имущества. Веде было прекрасно известно, что это оболочки от яиц скатов-хвостокотов или морских котов, виденных ею сегодня, когда они плясали над морским дном.

В забытьё от боли она подобрала слабой рукой один из кошелёчков. Тут её скрутило, и она сжала морскую игрушку влажными пальцами.

Еле поднявшись и не позаботившись, чтобы привести в божеский вид измочаленный халат – местность всё равно пустынная – она поплелась к ближайшему лесу. Опушка из тоненьких, дрожащих деревьев почему-то притягивала, как театральная рампа. Но боль, мешавшая даже дышать, заставила затоптаться на месте. Извернувшись и спустив с плеча халат, она собиралась оглядеть рубец, но не сумела. Взвизгнув от боли, она только предположила, что простирается он от лопатки к талии, и выглядит – мерзее не придумаешь.

Ей почудилось, что кто-то наблюдает за ней, но, заворачиваясь в своё претерпевшее многое одеяние, она ничего и никого окрест не углядела.

Дикие яблоньки расхаживали по крошечной яйле, от них и исходил увлажняющий душу, всё густеющий запах. Они пока не собирались цвести снова, но, казалось, аромат остался здесь с прошлого года. Кой-де виднелись даже перезимовавшие плоды.

Добравшись до зеленой классической травки, и вдыхая слобный воздух холмов и пышущего здоровьем леса, она попыталась принять такое положение, чтобы боль не донимала её.

Вот так, уткнувшись ничком в тёплую траву, она провела некоторое время в подступающем бреде, стараясь пока отогнать от себя здравые размышления, насчёт того, чтобы вернуться домой засветло. Надо было добираться по воде.

Сильный и вполне осмысленный шорох заставил её сделать усилие над собой, и бред прошлых часов растаял. Не сразу она повернулась и, стиснув зубы, прилегла на бок.

Сначала ей показалось, что рожица загорелась, потом, что она видит стаю очень ярких птиц, и только, спустя несколько долгих мгновений, она разобралась.

На старой-престарой яблоне среди запутанной паутины толстых веток и зелёного облачка первых листьев, обвив могучий ствол огненно-травяным туловищем, пристроился дракон.

Под зубчатой линией хребта мышцы толщиной в кадку для пальмы подёргивались, будто через них пропускали несильный ток. Глаза внимательно смотрели на гостью этих милых мест.

Тщательно оглядев дракона, Веда, наученная опытом с медведем, медлила, но, в конце концов, напрочь отмела мысль о багаже – то есть, о спрятанном под этой бронёй человеке.

Дракон был неподвижен и доброжелателен. Он, как и она, старался составить представление о новом лице.

Его взгляд и спокойствие навели женщину на мысли о настоящих драконах, которые небольшим поселением держались здесь до прихода предков из степей. Те драконы обладают отнюдь не человеческим разумением, они доброжелательны к любому проявлению истины, к общению, впрочем, не стремятся. Но всё слышанное свидетельствовало о том, что представитель этого древнего разумного племени не оставит раненого человека без помощи.

Также она мимоходом вспомнила, чем питаются эти драконы. Они, говорилось в очень старых книгах, были, подобно людям то плотоядными, то обожателями свежей фруктозы.

Так как языка драконов невежественная писательница не удосужилась выучить, ей оставалось только положиться на язык жестов.

Она поднялась, и, с трудом пройдя несколько шагов к яблоне (ужас, до чего он огромен, акула по сравнению с ним золотая рыбка), сделала властный жест – спускайся!

Огромное тело немедленно зашевелилось и, расталкивая ветки, скользившие по бугристой коже, сползло вниз. Он не задевал плодов, и признательное дерево проводило его тихим шелестом.

Цвета болотной воды, он казался разноцветным. Пестрота сложенной внахлест мозаики проявлялась при движении. Крылья в размер латинских парусов деликатно прижаты к бревно-подобному туловищу. Огромная голова, напоминающая головы коней на рельефах, с сомкнутой пастью, наводившей на мысль об отнюдь не лошадиных челюстях, скользила к ней по воздуху.

Дракон превосходил размерами всё живое, что ей доводилось видеть, у неё захватило дух от его грубоватой пугающей красоты. Сминая зелёный ковёр огромными лапами, он направился напрямик к ней, трёхпалые с чёрными когтями лапы глубоко врезались в землю, но она немедленно заметила, что шепутная мурава в пропаханных им огородных грядках чудом не пострадала.

Она жестами показала, что хочет в воздух, ей нужно оглядеться.

– ...домой. Домой, понимаете? Бай-бай дома.

Дракон, казалось, всё прекрасно понял и стал оседать вниз, чтобы она могла взобраться к нему на загривок.

Подступив, и попытавшись это сделать, она застонала. Голова гиганта повернулась к ней, и сочувствие мелькнуло в похожих на огромные капли дождя глазах. (Это выражение напомнило ей о ведьме.) Повернувшись к яблоне, он разинул пасть и, обнажив внушительные цвета слоновой кости бугорчатые зубы, усердно отодрал вместе с веточкой перезимовавшее яблочко.

Повернув шею, дракон любезно и безмолвно предложил свисающий из пасти плод. Не желая быть невежливой, она приняла, и, вежливости ради, куснула, ожидая, что рот наполнится невыносимой горечью и кислотой...

Изумление, написанное на её лице, заставило дракона издать звук, похожий на хмыканье.

«Значительно легче...» Уходящая, как звон гитары, боль становилась всё терпимее. Веда в бреду представила боль в виде дерущихся мужчин. Разглядеть подробности она не могла, но, по мере того, как они уставали, и удары становились реже, утихала и нервная пульсация там, где никакого вам плавника.

Вспрыгнув даже с некоторой лихостью на корявый бок дракона, и охнув от последнего сладкого спазма, Веда сразу и необъяснимо успокоилась.

Полёт она плохо помнила. Разве что первые его минуты. Или это были часы?

Мучила усталость, спутанные волосы, жар от прямых лучей засиявшего на западе Орса, заныло с новой силой плечо. Снова она увидела движущуюся армаду чужого флота, но на сей раз решила, что её сознание освобождает призраков.

Когда он ускорил движение в воздушных анфиладах, она почувствовала не сразу. Кто-то их догоняет. Обернувшись, она сразу увидела, *кто*, и завопила от страха.

Дракон с силою напряг шейную мышцу, чтобы успокоить её и призвать держаться крепче...

Безумные глаза страшного существа были отчётливы даже на приличном расстоянии, которое всё уменьшалось.

То летел демон со скрюченными когтями и огромный, как холм. Особенно неприятно, что выпуклые белые глаза без радужки, с двойными зрачками видны во всех подробностях. Глаза плавали в воздухе, а взгляд ощущался как прикосновение.

Гигантские крылья распускались и опадали с величием, достойным восхищения. Она поняла, что битва в воздухе неизбежна и что лучше не смотреть ни за плечо себе, ни вниз – и тут же глянула. Город брошенной перчаткой запутался в траве лесов. Она затосковала.

Прежде она никогда не видела демона так близко. Говорят, их пробовали держать в зоопарках, но скоро отказались от этой идеи. Для них не нашлось подходящей клетки, да и поди запри крылатое существо. К тому же, они вроде бы не животные.

Обращались с просьбицей к владельцу знаменитого питомника, где на клочке свободы в сотню квадратных километров обитали настоящие животные. Но этот человек, весьма властный, и до точки не дослушал просьбицу.

По слухам, он предложил им отправить демона в парламент Сурии – там, мол, парню самое место.

К тому же, душа демона, если таковая имелась, куда сложнее устроена, нежели у всех, кто обитает под небом. Исключая разве что господ из подземной службы. С ними вообще неясно, кто они. Вроде бы они всегда сопровождали эволюционный путь человечества, но сходства что-то не замечалось.

Зловонный дух на пару со взглядом опережал ужасное создание, и она нечаянно вдохнула полную грудь этой терпкой вони, непохожей на запах обыкновенного человека.

Драка была неизбежна. У Веды захватило дыхание, закололо иголочками кисти рук и ступни.

Чёрное тело приближалось, распластавшись по воздуху, влипало в него, как в жидкое стекло. Сближение происходило и быстро, и медленно. Очевидно, время утрачивало свои характеристики в присутствии неведомого зверя.

Когда произошло нападение, она не успела заметить. Её оглушил смрад, странным образом проникший в голову. Мысли спутались в клубок.

Состояние всадницы следовало описать одним словом. Но найти его всё равно, что распутать шнурок при свете врушки.

Веду чувствительно прижало потоком изменённого ветра к хребту дракона. Она ощутила бугристую кожу, домовый душил её на диване во время дневного вредного сна.

– Атакуй! – Закричала она и захлебнулась.

Лес, рассыпанной коробкой с подтёкшими фломастерами, уехал на колесе к востоку, а запад показывал рогатую гору на мелководье. Море поместилось почти на небе, а небо плыло и плескалось под ними. Веду замутило. Облачко на горизонте сошло бы вместо носового платка.

Из-за своего груза дракон не мог бороться в полную силу. Он вынужденно держал дистанцию и маневрировал бездарно.

Веда почувствовала, что дракон склонил голову вбок, пытаясь встретиться с ней глазами. Она поняла...

Единственное, что она успела: отчаянно нащупать один из гребней на холке дракона, и её пальцы сразу принялись соскальзывать.

Дракон перевернулся вверх лапами и просочился под чёрным крылом. Демон размером поменьше, но страшно егозлив. Исчезая в одном месте, он являлся в другом. Не настолько, чтобы в этом было что-то противоестественное, но всё же метром дальше, точно.

Дракон пока только отступал, и не всегда это получалось изящно. Вростяжку, как поезд, подхваченный ураганом, он держался тактики – слева и справа.

Гремел в рифму ветер, а волосы Веды вытворяли с её обзором чуда. Маленькое облачко одиноко играло в углу обзора. Дракон снова занял правильную позицию, чтобы Веда отдышалась. Мохнатое крыло закрыло горизонт шторой, Веда на мгновение погрузилась в ночь.

Дракон показно ретировался, демон за ним. Дракон сделал выпад в ту сторону, где синела невинная пустота, и удар хвостом пришёлся по несказуемой части демона тела.

Схлестнулись хвосты – драконов, крепкий, как доска для плавания, и тощий, но страшно цапучий, с проволокой внутри, демонический.

Кончик, свернувшись петлёй, легонько зацепил всадницу за шею. Понимал ли демон, что это маленькое, с лохматой светлой головой – не одно целое с противником или нет, но Веду розгой вытянуло. Веда по-птичьи пискнула. Напрасно – воздух кипел от ударов и слабенькой жалобы не расслышал никто из противников.

Дракон заметался, как дикая курочка. Хвост с остриём на конце соскользнул и вытянулся, твердея мечом. Веда сообразила, что вреда ей не причинили, но от ужаса заныло раненое плечо.

Дракон замер, прислушиваясь к всаднице. Любопытно, что он вообще меня не сбросил, подумала Веда. Дракон словно прочёл её мысли.

Её встряхнуло, и она поняла, что это упрёк.

Дракон, очевидно, принял решение и помчался навстречу парящему неподалёку демону. Тот не ожидал нападения, он лежал на боку, на диване. Лениво свесил тонкие чёрные руки, и потягивался: ну, чисто кропивнянский кот.

Дракон тоже вытянул лапу и растопырил когти. Веда нервно рассмеялась и подавилась смехом.

Демон встряхнулся и закрутился: Веда видела обыкновенный смерч. Дракона на верёвочке подтащило к вертящейся трубе. Он извернулся и тут же начал рушиться: пространство вокруг смерча подтаяло и сквозило. Наверное, это и есть тот самый космоворот: прореха между временем и пространством.

Пике!

Дракон падал. Смерч раскрутился. Демон заглядывал на них с верхней лестничной площадки.

Виноградник летел косо, картинкой сбоку. Пробиралась пятнистая собака между подвязанных белой ветошью лоз. Чешуйчатые тела стволов напоминали зимовку некрупных драконов.

Бум! Дракон проделал потрясающую штуку. Он упал на невидимый батут и вскинул себя на высоту на пружинке. Если бы Веда больше знала о драконах, она бы не удивилась.

Дракон взлетел поменявшей направление пулей, и пуля врезалась в колыхавшегося облаком демона.

Тут же заработали острые кошачьи когти. Дракон закогтил демона и встряхнул. Демон раскинул крылья и вполне человеческие руки.

Ранен. Крупные фиолетовые капли, растягиваясь, но не утрачивая формы, летели к винограду.

Облачко, похожее на клочок ватки, добралось до центра неба. Дракон промчался по ступеням невидимой лестницы и окунулся в оказавшееся огромным облако по самые рожки.

Веда в прореху видела, что демон завис над деревьями, встряхнулся и дёрнул головой в обвисших чёрных прядях. Он рывком вправил крыло и засуетился, оглядывая место большой игры.

Дракон покачивался в облаке. Веду душила сырость, клонило в сон. Похолодало, но дракон оказался тёпленьким, и Веда приникла к нему, легла щекой на бугристую холку.

Молчание вокруг имело неестественную природу. Всё отключили – даже самый маленький листок на дереве далеко внизу помалкивал.

Дракон тихонько стронулся с места, и Веда неохотно приподнялась, потёрла слипающиеся глаза.

Дракон выпал из облака и прохладный воздух весеннего послеполудня показался Веде жгучей жарой. Дракон посмотрел, склоняя голову к плечу, на летающего кругами демона.

Веда приготовилась к новому пику. Но дракон вальсировал на клочке небесного паркета. Потом громко свистнул. Звук прорезал воздух инверсионной самолётной бороздой.

Веда с раздражённым изумлением прижала голову к плечу, чтобы защитить хотя бы одно ухо.

Предупреждать о нападении?

Вот вам благородство, извольте. Сама Веда считала, что добрые дела наказуемы.

Демон, настигнутый свистом, вскинулся и снова на расстоянии заглянул в самые глаза Веды. Он развёл крылья и солдатиком взлетел на линию с драконом.

Дракон медлил. Веда не утерпела и ткнула кулаком в толстую холку. Ей почудилось, что дракон смеётся, но проверить свои ощущения она уже не смогла. Что-то произошло, пейзаж сместился и раздвоился.

Дракон держал демона за стройный волосатый стан выставленными лапами. Собирался потанцевать в паре? Вместо этого затряс визави, что есть силы.

Демон молчал, извивался и внезапно пронзительно взвизгнул. Неподобающее воплощению зла отчаяние запомнилось Веде навсегда. Наверное, это первое поражение бедолаги – спустя долгие годы говорил ей тот, с кем она могла поговорить на эту тему.

Дракон одержал победу. Он легонько оттолкнул крикуна и тот рухнул с высоты, смертельной для существа из плоти и крови, каким бы гибким и чёрным ни было оно.

Веда, оглушённая впечатлениями – в последнюю минуту она увидела демона совсем близко, и он показался ей каким-то другим – долго смотрела, как падает бесчувственное атлетическое тело. Воздух долго не хотел отпускать своё чадо, к которому был закономерно пристрастен.

Где точно упал демон, Веда не смогла бы сказать. Она поняла только, что дракон, отсиживаясь в облаке, рассчитал место убийства довольно верно. Ему не хотелось, чтобы тело обрушилось в городе.

Привал после победы необходим. Узкий пустынный берег мелькнул косо, ибо дракон уже начал снижение, и, хоть он сделал это, не спросясь, она понимала, что сейчас не до церемоний.

Там росли деревья, но не яблони. Ветер слабенько взвыл, напомнив предсмертный вздох демона.

(Потом ей казалось, что безобразие этого существа она преувеличивала, но вот об этом она ни с кем не разговаривала во всю свою жизнь.)

Ей ещё что-то померещилось на острове в глубине за картинной горной галереей, нарочно кем-то устроенной, чтобы путники, снижающие полёт со страшной высоты, могли вволю налюбоваться.

Гигант-дуб склонился над молчаливой полосой прибоя. Листва его вздрагивала, ей показалось, что он – живой. Таковую складчину на её памяти никто не избирал, но что значила её память?

Они снизились – земля... головокружение.

Бархат дёрна здесь заменял песок.

Такт требовал отползти на громадных лапах, как можно изящнее, в сторонку от приводящей себя в порядок дамы.

А.

...

Ах, вон оно что. Когда чумазая Веда увидела *человеческую фигуру*, то онемела и, чтобы собраться с мыслями, быстро отвернулась. Это было не совсем честно, но теперь, когда она стольким была обязана... Не будешь же базарить, сказала себе Веда, и спотыкаясь, направилась к нему.

Вторая душа подобала ему. Она видала могучих зверей, чьим вместилищем были хиловатые тела, видала хищные ястребиные клювы и помнила о лицах без подбородков.

Но этот... этот был под стать дракону. Ростом он, правда, чудовищным не отличался, но плечи его напоминали о вольных играх воображения самого лучшего из скульпторов Гипербореи, когда сей упрямец грезил о земных богах и героях. Лицо (он сейчас посмеивался) свидетельствовало о том, что он – Орсопокклонник и в натальной его карте Знак Овна находится в треугольнике Марса Благосклонного.

Светлая, не слишком убедительная, шевелюра сейчас и вовсе не имела вида, глаза ясные, брился он, вероятно, (если вас не покоробит прозаическая подробность), каждый день, когда не был драконом. Это, как ни смешно, очень расположило привереду Веду, ибо нововведение наших дней, освобождающее сильную и нежнейшую половину от этой неприятной обязанности, ей вовсе не по нраву.

– Не угодно ли поискать воды? – Это были его первые слова, негромко произнесённые низким голосом. Сначала он просто без слов поклонился ей, тем самым формально довершив знакомство, начатое в полном безмолвии, без обязательных ритуалов.

Несмотря на приступ изумления, она мысленно рассмеялась при его первых словах. Чутьё подсказывало, что где-то есть вода. Кроме того, подсознательная лёгкая память большой умной рыбы напомнила ей, что во время посадки мелькнуло нечто, некий зеркальный отблеск среди мрачно-уютных круч островка.

Вдруг он спросил, почему госпожа смеётся?

Тогда она опомнилась. Она была уверена, что не выпустила на губы ни тени усмешки. И мало ли какие тайные знания есть у такой редкостной складчины? В конце концов, это первый дракон в её жизни и с ним следует быть покорнее и не забывать, что он страшно её выручил.

Со всей церемонностью запахнувшись в остатки любимого вишнёвого халата и со всем величием, на какое способна вспотевшая босая женщина со спутанными волосами, она подошла к нему, скажем, на расстояние руки без пистолета.

Подбирая изысканные выражения, (и рассматривая его глаза, нос, подбородок и всё прочее, а так же предоставив ему ещё раз рассмотреть свою случайную спутницу) акула поблагодарила его.

– Ну, что вы, что вы. – Пробормотал он, на секунду опуская глаза, как будто не уверенный в том, что его есть за что благодарить.

– Я смеялась, – сказала она, прерывая возникшее молчание, – так как тут и, правда, есть вода. Я восхищена вашей прозорливостью. – Мягко добавила она без малейшей усмешки, и тут он поднял на неё самый нахальный взгляд, который ей доводилось встречать своими серозелёными глазами.

«Ах, так», – ещё раз сказала она себе. Тогда он получит сильное ощущение в довершение своих подвигов в воздухе. Она, однако, постаралась, чтобы на сей раз он не сумел прочесть её мыслей. (Это сделать совсем просто, я вам расскажу в другой раз.)

Они нашли это озерцо очень скоро. Овальное зеркальце, в такое хорошо смотреться в светлую ночь.

На берегу снова начались церемонии. «Я подожду сколько угодно» – «Да нет же, вам отдых нужен после ваших подвигов...»

(Веда умела красно выражаться.)

Он пошутил насчёт того, что сильно запылится, и возникло некоторое молчание.

– Я всегда плаваю в одежде. – Сказала она. – Поверьте, это – моя странность.

– Эта странность очень нам на руку. – Улыбнулся он.

И спросил, может ли он избавиться хотя бы от небольшой части одежды... своей?

За эту дерзость она мысленно окончательно решила, что он не будет скучать в воде. Так как на сей раз она не стала скрывать свои мысли, он состроил самое почтительное выражение.

Она отступила и шагнула в воду, услышав за спиной шорох. Тотчас она краем глаза заметила мелькнувшие среди бледной глади озера широкие не слишком загорелые плечи и беззвучно скрылась под водой.

Он не сразу встревожился, поглядывая с другого конца озера их общей ванны на затихшую гладь воды – дама не казалась ему беспомощной – но всё же поплыл (она это видела почти со дна) к тому месту или чуть правее, где погрузилась светлая голова.

Высокий коричнево-золотой плавник плыл к нему и исчез, будто пригрезился. Огромная красавица-акула вынырнула чрезмерно высоко, как не водится у этих рыб!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.